

Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева

В предыдущем выпуске «Рутеники» была опубликована статья В. Н. Зоценко¹, в которой автор попытался на основании накопленных в последнее время данных критически пересмотреть традиционные точки зрения на две важные и действительно взаимосвязанные темы — скандинавские древности и топографию раннего Киева. Совершенно очевидно, что в объёме одной статьи невозможно было охватить все детали и нюансы этих проблем, и для выработки новой, устраивавшей бы всех модели необходима широкая дискуссия, в которой принимал бы участие как можно более широкий круг специалистов: историков, археологов и лингвистов. Это поможет избежать вероятных ошибок и недоразумений при дальнейших попытках создания междисциплинарного синтеза в определении места и роли скандинавских древностей в социальной топографии раннего Киева. В предлагаемой статье я хотел бы остановиться на дискуссионных моментах в интерпретации В. Н. Зоценко, которые остались, так сказать, за кадром внимания исследователя и, скорее всего, могут остаться незамеченными.

Скандинавские древности Киева

Прежде всего, хотелось бы попытаться объяснить, почему важно для славяно-русской археологии выделение и детальное изучение скандинавских древностей. Речь ни в коем случае не идёт о возвращении к 1970–1980-м годам, когда занятие этой темой было скорее формой «научного диссидентства», нежели скрупулёзным изучением источников. Ни одна из предложенных в то время схем, мягко говоря, «не работает», а те, что до сих пор в обращении, не добавляют ничего принципиально нового к интерпретации Вильгельма Томпсена² и Туре Арне³. К тому, что эти находки не замечались, были и объективные причины. Дело в том, что «опознание» этих вещей возможно только на

1 Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода». *Ruthenica*. II. К., 2003. С. 26–52.

2 Thompsen V. *Ryska rikets grundläggning genom skandinaverna* (Stockholm, 1882).

3 Arne T. J. *La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings* (Upsala, 1914); Андрощук Ф. О. «Велика Швеція» Туре Арне. До 125-річчя з дня народження. *Ант*, № 4. 2000. С. 56–60.

основании знания и опыта работы с музейными коллекциями Скандинавии, что вплоть до 1990-х гг., по понятным причинам, не было возможным. Знание публикаций, как показывает практика, также не всегда помогает — узнаются только яркие вещи. Это и приводит к удивительному парадоксу, когда статьи, посвящённые роли варягов на Руси, сопровождаются иллюстрациями украшений, как правило, происходящих из женских погребений, в то время как письменные источники об их присутствии в среде северных наёмников ничего не сообщают (я здесь не имею в виду сообщения восточных авторов о русах — хронологически, функционально и, очевидно, статусно отличной группе скандинавского населения).

На протяжении последних лет, в ходе предварительных публикаций⁴, а также работы над подготовкой к изданию сводного Каталога скандинавских древностей Восточной Европы, стало очевидным, что их количество несопоставимо огромно в сравнении с Западной Европой, а по некоторым категориям вещей сопоставимо со всеми известными на сегодняшний день находками, происходящими, например, из Дании. Поэтому речь идёт не о случайных приездах, наёмниках и эпизодических контактах, а в полном смысле колонизации скандинавами отдельных районов Восточной Европы, колонизации, размах которой вполне сравним с колонизацией датчанами восточной Англии⁵. История этого населения является неотъемлемой частью истории Восточной Европы, такой же полноценной и заслуживающей право на изучение, как история греков Северного Причерноморья, скифов, сарматов, готов и хазар причерноморских степей.

В знании скандинавских древностей есть и чисто прагматический смысл. Дело в том, что относительная хронология славянских древностей IX–X вв., в основном, может быть определена только на основании импортных изделий. Славянские памятники в большинстве своём изобилуют только керамикой, которую вне связи с таким контекстом и монетами объективно датировать невозможно (одинокими исключениями являются дендрохронологически датированные Ладога, Рюриково городище, Новгород и Киев). Находки восточных и византийских вещей, как правило, очень редки на славянских поселениях. Поэтому салтовские вещи важны для выделения ранних славянских поселений

4 Jansson I. "Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. The Archaeological Evidence," *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa 4. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge*, 156 (Göttingen, 1987); Pushkina T. "Scandinavian Finds from Old Russia. A Survey of their Topography and Chronology," *The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the Manor of Karlslund, Örebro, Sweden*. Ed. by P. Hansson (Örebro, 1997), p. 82–91. Андрощук Ф. О. *Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя)*. К., 1999.

5 Jansson I. "Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age"; Jansson I. "Warfare, Trade or Colonisation? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period," *The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the Manor of Karlslund, Örebro, Sweden*. Ed. by P. Hansson (Örebro, 1997), p. 9–64.

VIII–IX вв.⁶, скандинавские, византийские и венгерские — для опознания памятников IX–XI вв. Ювелирные украшения Северной Европы эпохи викингов выполнены в соответствии с традициями искусства, основные корни которого уходят в мир мотивов и связанных с ним идей предшествующих эпох — великого переселения народов и так называемого Вендельского периода. В основном, на протяжении всего времени можно констатировать существование пяти основных мотивов — змеи, птицы, «хватающего зверя», «четвероного зверя» и маски. Иногда они сочетаются в одном и том же сюжете, позволяя предположить, что художники изображали, по существу, одно и то же мифологическое существо, возможно — Одина. В то время как мотивы оставались постоянными, способ передачи их менялся. На него оказывали влияние традиции, опыт и мир идей того времени, в котором жил и работал мастер. Совокупность этих факторов объединяется в понятии «стиля», употребляемого в скандинавской археологии. Стили — единственная возможность отличить «старое» от «нового», поэтому их знание важно для установления относительной хронологии вещей. На сегодняшний день выделяется несколько стилей, существовавших на протяжении эпохи викингов: «хватающий зверь» (иногда его называют ещё «стиль Осеберга»), Борре, Эллинг, Маммен, Рингерике и Урнес. Стиль Осеберга, в основном, типичен для IX века, Борре — для конца IX — первой половины X вв., Эллинг и Маммен являются двумя «школами» одного и того же южно-скандинавского стиля, существовавшего приблизительно от середины X — до начала XI вв. Параллельно с этими школами существовал ряд вещей из благородных металлов, выполненных в технике зерни, которые иногда называют «стилем Хиденсе»⁷. Наконец, стили Рингерике и Урнес датируются XI в. (последний, правда, известен и в XII в.)⁸. В основе датировок скандинавских стилей лежат твёрдые дендрохронологические даты⁹, поэтому на основании их сочетания построена не только

6 Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). *Vita Antiqua* 2, К., 1999. С. 111–136.

7 Duzcko W. “Kungar, thegnar, juveler och silverskatter,” *Tor* 27:2, 1995.

8 О дефинициях стилей и проблемах их датировки лучшие работы: Shetelig H. “Vestfoldskolen,” *Osebergfundet* III (Kristiania, 1920); Fuglesang S. H. *Some Aspects of the Ringerike Style. A Phase of 11th Century Scandinavian Art* [=Medieval Scandinavia Supplements 1] (Odense, 1980); Fuglesang S. H. “Early Viking Art,” *Acta ad archaeologicam et arhivm historiam pertinentia. Series altera in 8. Vol. II* (Spoleto, 1982), p. 125–173; Jansson I. *Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet*. Aun 7 (Uppsala, 1985); Jansson I. “År 970/971 och vikingatidens kronologi,” *Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingtid*. (Jysk Arkæologisk Selskab: 1991), s. 267–284.

9 См. последний обзор, посвящённый этому вопросу: Müller-Wille M. “Tierstile des 8–12. Jahrhunderts im Norden Europas. Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung,” *Tiere. Menschen. Götter. Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption*. Herausg. von M. Müller-Wille und L. O. Larsson (Göttingen, 2001), s. 215–250.

скандинавская, но и европейская хронология, в частности, могильников ранне-средневековой Германии¹⁰.

Если мы сравним географию распространения этих стилей, то картина получится следующая. На Северо-Западе (Старая Ладога, Приладожье, Городище, Новгород) и Северо-Востоке Руси (могильники Ярославского Поволжья), а также верхнем Поднепровье (Гнёздово) в той или иной мере представлены практически все известные стили за исключением Урнес и Рингерике (единственная находка — серебряный браслет готландского происхождения из клада XIII в. в Московском Кремле). На юге Руси (Киев, Шестовица, Чернигов) представлены стили Борре, Эллинг/Маммен, а также Урнес (Сахновка, Киев, Чернигов). Таким образом, несмотря на отсутствие скандинавских изделий IX в. на этой территории, здесь, в отличие от севера, очевиден континуитет в потребности высококачественных северных изделий. Характерной чертой скандинавских древностей X–XI в. Южной Руси является их исключительно богатый контекст (роскошные камерные погребения, вещи из кладов), что, очевидно, может свидетельствовать о существовании здесь знатных фамилий, которыми скандинавское происхождение было осознано. В этом отношении весьма интересна топография этих находок в связи с социальной топографией Киева.

Скандинавские находки Киева происходят преимущественно из киевских погребений, расположенных в Верхнем городе и районе Иорданской церкви. Опубликованная В. Н. Зоценко карта, маркирующая топографию этих находок¹¹, вызывает возражение в одном — привязки некоторых из них к культурному слою Подола. На сегодняшний день нет ни единой настоящей скандинавской находки, происходящей из культурного слоя жилых и хозяйственных комплексов Подола X в. Скандинавская атрибуция некоторых вещей из Замковой горы также весьма проблематична, к тому же упоминаемая без ссылки фибула также не внушает доверия¹².

Таким образом, всё, что нам известно, это вещи из разрушенных курганов, основная концентрация которых, как уже отмечалось выше, связана с территорией, занятой на протяжении всего древнерусского времени усадьбами знати, церквями и монастырями. Отсутствие скандинавских вещей в культурном слое Подола настораживает и, скорее всего, может быть истолковано тем, что люди скандинавского происхождения, в большинстве своём, там не проживали. И это заставляет нас ещё раз вернуться к проблеме топографии Верхнего города.

Топография Киева конца IX–X вв., по предположению В. Н. Зоценко, представляется следующей. Город состоял из нижней части — Подола, где

10 Stein F. *Adelsgräber des 8. Jahrhunderts in Deutschland* (Berlin, 1967).

11 Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода». С. 38. Рис. 1.

12 Исследователь вероятно имел в виду фибулу, упоминаемую в книге М. К. Каргера на стр. 219, см. также: *Указатель Выставки Киевского общества древностей и искусств*. К., 1897. С. 15–116. Однако пространное описание вещи не позволяет с достоверностью определить ни её тип, ни происхождение.

проживало большинство населения, Замковой горы, на которой располагалась резиденция и администрация князей, и Верхнего города, большая часть которого в это время была занята курганным кладбищем горожан. По подсчётам исследователя, приблизительная площадь этого курганного поля, разделённого оврагами на три группы, составляла около 60 га. Первая группа, существовавшая до начала строительной деятельности Владимира Святославича, практически полностью была занята курганными погребениями, которые перекрыли, по мнению исследователя, и так называемое «древнейшее городище Киева», располагавшееся в VI–VIII вв., а, может быть, и в начале IX в., в северо-западной части Старокиевской горы. Основными аргументами в пользу такого утверждения являются погребения №№ 83, 84, 112, 123, вскрытые, по убеждению исследователя, к западу от развалин Десятинной церкви. Их ямы были опущены в засыпку рва и насыпь вала, отделявшего городище от остального плато¹³.

Прежде всего, нужно обратить внимание, что В. Н. Зоценко ошибочно локализует топографию этих погребений. Так, погребение № 83, согласно имеющимся данным, найдено в нескольких метрах к востоку от срубного погребения № 122, открытого под развалинами средней апсиды древней Десятинной церкви¹⁴. На этом же участке было обнаружено погребение № 84¹⁵. О месте погребения № 112 мы знаем только то, что оно было найдено «к северо-западу от развалин Десятинной церкви»¹⁶, а погребение № 123 «у самого юго-западного угла наружной галереи Десятинной церкви... глубже основания фундаметов храма»¹⁷. Единственным погребением, расположенным на склоне рва, опоясывавшего древнейшее городище, является камерное погребение № 110, не упомянутое, однако, исследователем. Среди находок в этом погребении встречены два дирхема Ахмеда ибн Исмаила, констатирующие заброшенность рва ко времени около 911–912 гг.¹⁸

Обратимся к обстоятельствам находки рва (рис. 1). Наиболее детальная информация о результатах раскопок содержится в дневниках Киевской археологической экспедиции 1936–1937 гг., хранящихся в архиве Института археологии НАН Украины¹⁹. Вот какую информацию находим о результатах раскопок рва:

«Установлено, что ров проходил по направлению с северо-запада на юго-запад и имел глубину 4,50–4,70 м от поверхности (имеется в виду современная поверхность. — Ф. А.). Склон рва под углом 45 градусов.

13 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. М., Л., 1958.

14 Там же. С. 151, 205–206.

15 Там же. С. 152.

16 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 178; Килиевич С. Р. *Детинец древнего Киева*. К., 1982. С. 150.

17 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 206–207; Килиевич С. Р. *Детинец древнего Киева*. С. 150.

18 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 175–176, табл. XVI–XIX.

19 Научный архив Института археологии НАН Украины 1936 г.: № 8, стр. 84–89; № 11, стр. 33; № 7, стр. 15; 1937 г.: № 1, стр. 40–44.

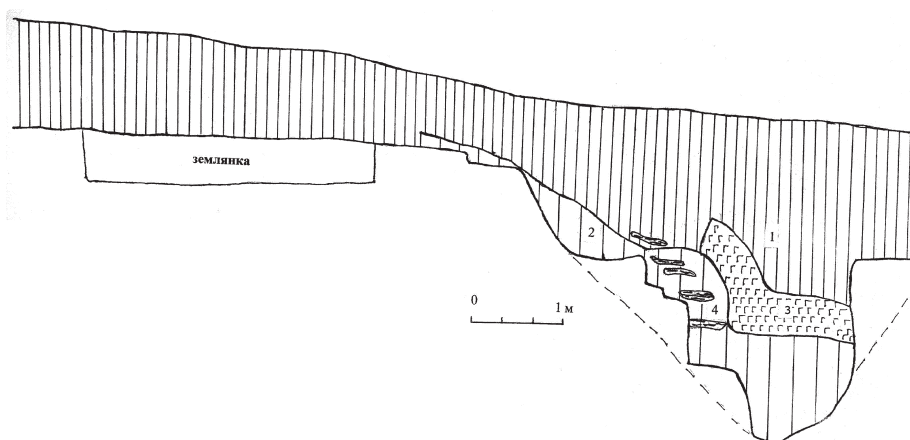


Рис. 1. Разрез рва, исследованного в 1936 г. раскопками Ф. Н. Молчановского (отредактированный рисунок оригинального чертежа, хранящегося в Научном архиве Института археологии НАНУ, ф. 20, № 42): 1 — засыпка чернозёмом с остатками пепельно-серой земли и глины; 2 — материковая глина; 3 — прослойка глины; 4 — дерево

Глубина рва, прокопанного в материке — 2,90 м. Весь ров был засыпан серым суглинком с прослойкой жёлтой глины, культурных остатков не прослежено, за исключением мелких обломков костей животных. Засыпанная часть рва состоит из более плотного слоя, нежели все верхние слои. Прослеженная длина рва — 6,20 м. ...Поскольку все погребения были выявлены на восток от рва, можно предположить, что древний город был расположен на запад от него в сторону “Кожемяк”, а восточная часть от рва была некрополем. В позднее время — в X–XII вв. — город распространился на восток и юг. Михайловский монастырь, Трёхсвятительская церковь и София заняли площадь некрополя, а ров был засыпан. Это предположение подтверждается ещё и тем, что в западной части от рва никаких каменных и кирпичных построек не выявлено, а все они найдены в восточной и южной части от рва».

Интересно также количественное распределение и состав находок из рва:

1. Черепки глиняной лепной посуды (со дна рва, гл. 4,60 м, северо-восточная часть) — 12 шт.
2. Рог — гл. 4,70 — 1 шт.
3. Черепки глиняной посуды (из засыпки рва) — 16 шт.
4. Обломки фресок (юго-восточная часть рва, гл. 2,60 м) — 3 шт.
5. Кости животных (засыпка и дно рва, гл. 3,80–5,00 м) — до 50 шт.
6. Черепки глиняной посуды (со дна рва) — 3 шт.
7. Черепки глиняной посуды (гл. 5,00 м) — 3 шт.
8. Кости животных — 4 шт.

Эти наблюдения содержатся в дневнике В. К. Гончарова²⁰. Некоторые интересные детали добавляет информация, содержащаяся в дневнике Ф. Н. Молчановского²¹ (19–21 августа 1936 г.):

«Выявлено западную часть рва, вырытого, очевидно, до раннефеодалного времени в лесе по направлению север — юг и о котором упоминает Милеев в описании своих раскопок. Западный склон вала довольно крутой, имеет подобие небольшой ступеньки в верхней части. Засыпка рва — различные пласты рушенной земли, а именно, слой серо-пепельной с рыжеватым оттенком земли и рыжей, светло-жёлтой глины. Культурных отложений почти нет (несколько черепков раннефеодалной эпохи, обломки костей, куски железного шлака (“журжеслиця”))».

29 августа 1936 г. Ф. Н. Молчановский сделал следующую запись о раскопках рва в своём дневнике:

«Продолжаем выборку засыпки рва. На глубине 4–4,5 м найдено несколько черепков лепной посуды (раннеславянского типа), обломки костей животных и несколько мелких камней».

30 августа исследователь отметил:

«проявляется наподобие глиняного уступа в лесе, возможно — дно рва. С обеих сторон этого уступа, по длине рва, на стыке с его стенами выявлены ровики с полукруглым дном — возможно, для стока воды. Восточный ровик исследовать не успели. В засыпке дна рва найдено несколько костей животных, черепки глиняной посуды лепной техники»²².

Здесь же исследователь даёт и свою интерпретацию ранней топографии Киева: «Здесь, очевидно, в западной части Андреевской горы и горного плато располагался древнейший Киев — город времени Игоря, Ольги и Святослава».

Таким образом, Ф. Н. Молчановский на основе добытых им археологических материалов впервые предложил схему развития Киева, которая, в основных чертах, принята большинством исследователей. Раскопанные в послевоенное время жилища внутри этого городища позволили исследователям датировать его возникновение временем существования пражско-корчакских древностей²³. Вероятно, к этому же горизонту следует отнести обломки двух литых браслетов с утолщёнными концами из раскопок Ф. Н. Молчановского, хранящиеся ныне в

20 Дневник В. К. Гончарова (тетрадь № 8, стр. 84–89).

21 Щоденник Ф. М. Мовчанівського 1936 р. стр. 43, 51, 55–56.

22 Щоденник Ф. М. Мовчанівського 1936 р. стр. 43, 51, 55–56.

23 Толочко П. П. *Історична топографія стародавнього Києва*. К., 1972; Толочко П. П. *Древний Киев*. К., 1983. С. 28, рис. 10.

Национальном музее истории Украины (В-8 № 4040–4041)²⁴ (рис. 2), а также жилище с лепной керамикой, исследованное в 1939 г. М. К. Каргером²⁵. Аналогичные браслеты происходят из дореволюционных находок в Среднем Поднепровье и Киеве (бывшая усадьба Кривцова)²⁶ и датируются в пределах второй половины VII века²⁷. Археологических материалов VIII в. на территории

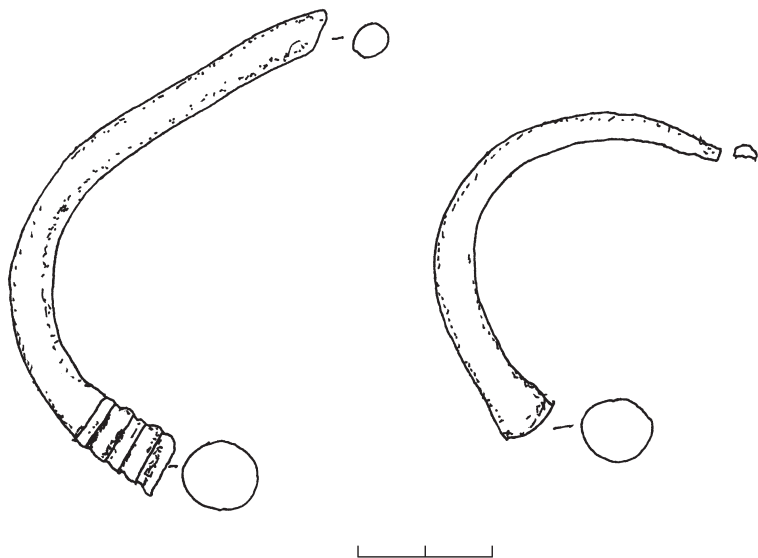


Рис. 2. Бронзовые браслеты из раскопок Ф. Н. Молчановского

городища не обнаружено. Исследованное на террасе северо-западного склона Старокиевской горы жилище, отнесённое исследователями к этому времени²⁸, содержало как гончарную, так и лепную керамику. Последняя орнаментирована ёлочным орнаментом, характерным для древностей роменской культуры. Такая

24 Автор признателен сотрудникам Национального исторического музея Украины Людмиле Строковой и Юлии Безкорвайной за оказанную помощь в работе с материалами из раскопок Киевской экспедиции 1936–1937 гг.

25 Каргер М. К. *Археологические исследования Киева. Отчёты и материалы (1938–1947 гг.)*. К., 1950. С. 97–100, рис. 71–72.

26 Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 5. Симферополь, 1996. С. 352–435.

27 Гавритухин И. О., Обломский А. М. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. М., 1996. С. 53, № 13.

28 Толочко П. П., Кілієвич С. Р. Археологічні дослідження Старокиївської гори 1965–1969 рр. *Київська старовина*. К., 1972. С. 6–7, рис. 2–3; Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 31, рис. 12.

же роменская керамика в сочетании с раннегончарной древнерусской найдена в ранних строительных горизонтах Подола и датирована концом IX — началом X вв.²⁹ Таким образом, между древнейшим киевским городищем и данным жилищем существует практически двухсотлетняя лагуна.

В своё время В. В. Хвойко осуществил обширные раскопки на территории усадьбы Петровского, которая в то время занимала угол Владимирской улицы и Андреевского спуска, с запада была ограничена Десятинным переулком, а с севера — обрывами, над которыми, как отметил исследователь, ещё сохранился небольшой отрезок вала, некогда окружавшего древний Киев³⁰. Предыдущий владелец усадьбы А. Н. Муравьёв провёл обширные грабительские раскопки, как раз в местах, примыкающих к валу, при этом, как показали повторные раскопки В. В. Хвойко, было уничтожено значительное количество древних погребений. Место раскопок А. Н. Муравьёва обозначено на плане, опубликованном Г. Ф. Корзухиной вместе с отчётами В. В. Хвойко. Последнему удалось раскопать:

«Четыре погребения с сожжением (одно целое) в виде обширного кострища из золы и угля с обожжёнными человеческими костями, куски обожжённой материи, черепки, части сплавленных медных предметов. При костяках три энколпиона, каменная иконка божьей матери, каменный крестик, медный крестик, до 20 бус, куски материи и височные кольца»³¹.

Такое странное сочетание инвентаря привело исследовательницу к выводу, что

«ни место находки “кострища” (территория Святославова города. — Ф. А.), ни инвентарь не позволяют отнести их к языческому времени. Это, безусловно, жертвы татарского погрома, либо сгоревшие в пожаре, либо намеренно сожжённые при уборке города после разгрома»³².

Таким образом, достоверных источников о существовании погребений IX–X вв. внутри городища нет. Правда, из раскопок Ф. Н. Молчановского, происходят ланцетовидные копья (НМИУ В–8/4082) и стрелы (В–8/5637, В–8/5625, В–8/3986, В–8/4062) скандинавского происхождения, обычно встречаемые в погребениях, однако контекст и место их находки не известны.

Важным вопросом в данной дискуссии является проблема существования гражданской застройки довладимирового времени на Старокиевской горе. В реальности только два достоверно исследованных объекта могут претендовать

29 Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Розкопки Києвоподолу 1973 р. *Археологічні дослідження Києва*. К., 1976. Рис. 14; Сагайдак М. А. *Давньокіївський Поділ*. К., 1991. С. 88–89, рис. 44

30 Хвойка В. В. *Древние обитатели Среднего Поднепровья*. К., 1913. С. 63.

31 Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. *СА*. 25. 1956. С. 340.

32 Там же. С. 335.

на такую интерпретацию: так называемый «дворец княгини Ольги» и срубное сооружение под южной апсидой Десятинной церкви. В данной связи интересной представляется точка зрения В. Н. Зоценко относительно расположения первоначального княжеского дворца на территории Замковой горы. Традиционно считается, что дворцом княгини Ольги была постройка, исследованная В. В. Хвойко, Ф. Н. Молчановским и П. П. Толочко к северо-востоку от остатков Десятинной церкви. Поскольку раскопки В. В. Хвойко плохо документированы, весьма ценным является заключение экспертной комиссии (в состав комиссии, заседавшей 2 августа 1936 г., входили: директор Института истории материальной культуры Ячменёв, профессора Моргилевский, Юкин, работники музея Тесля, Оглоблин, сотрудники экспедиции Гончаров, Молчановский, Натансон, Зацепина) относительно раскопанных Молчановским фундаментов:

«1. Констатировать, что на раскопе № 3 в восточной части усадьбы Петровского выявлено раскопками научно ценные остатки монументальных сооружений раннефеодальной эпохи.

2. Основным компонент этих остатков составляет часть каменной забутовки в северо-восточной части раскопа. Эта забутовка ориентирована по линии СЗ-ЮВ и имеет такие размеры: длина сохранившейся части — 5,85 м, ширина — максимум 0,80 м. Высота от 0,28 до 0,80 м.

3. Забутовка состоит из неправильной формы камней (железистый песчаник), залитых раствором извести не длительной консистенции, с незначительной примесью толчёной керамики. Нижний ряд камней забутовки лежит на суглиняковой подсыпке толщиной 0,30–0,50 м; ниже залегает материк (суглинок и лёс). Толщина слоя забутовки — 0,40–0,50 м.

4. Выше этого слоя в северо-западной и юго-западной частях сооружения заметны остатки кирпичной кладки стен, которые в северо-западной части сохранились на высоту до 0,40 м, а в северо-западной на 0,55 м. Кладка стен залегает непосредственно на слое забутовки. В этой кладке заметно чередование тонкого плиточного кирпича с кусками железистого песчаника. Раствор извести, который скрепляет кладку стен, значительно лучшего качества. Консистенция раствора в кладке стены крепче и включает больше толчённых керамических добавок.

5. В юго-восточной части сооружения кладка стены сохранилась на высоту до 0,45 м и в этом месте кладка выступает как пилеастр. Его размеры — длина 1,70, высота 0,40–0,45 м, ширина 1,13 м. В северо-западной части сооружения кладка сохранилась высотой 0,55 м. Другие размеры этого фрагмента стены — ширина 1,00 м, длина — 1,30 м.

6. В этом месте сооружения, возможно, существовал выход, о чём свидетельствует характерно сглаженная штукатурка на внутренней поверхности дверного проёма (о дверном проёме упоминает также В. В. Хвойко³³ — Ф. А.).

33 Там же. С. 341, № 37–38.

7. Юго-восточная часть сооружения представляет собой сохранённое окончание фундамента и стены древней постройки, а северо-западная часть разрушена обвалом в сторону обрыва по краю усадьбы жилищного кооператива № 8.

8. Непосредственно на юг от описанной выше кладки выявлено на этом же уровне несколько групп с прослойками раствора с цемянкой и кусков розового кварцита, причём кварцит концентрируется главным образом в юго-восточной группе и куски его лежат *in situ*.

9. В 8,40 м на юг от кладки выявлена группа построек со значительными остатками мелких кусков фресок и мозаики.

10. Все остатки древних сооружений выявлены в чрезвычайно нарушенных слоях грунта и между отдельными группами расчищено площадь траншей и следов раскопок Хвойки и других.

11. В насыпном грунте, к примеру, в небольших его не потревоженных частях, найдено немало археологического материала раннефеодального периода: обломки глиняной посуды, плиточного кирпича, образцы мозаичного полуфабриката, пряслица, энколпионы, остатки погребений, железные и стеклянные изделия.

12. Консультационный совет считает возможным датировать остатки забутовки и стены **концом Хили началом XI вв.** (выделено мной — Ф. А.).

13. Совет допускает возможность, на основании сопоставленной ориентации оси стен древней Десятинной церкви и данной кладки, а также на основании другого археологического материала (бытовые остатки), считать, что выявленные остатки принадлежали постройке некультового характера, которая занимала место к югу и юго-западу от сохранённой кладки. И доходила до границ с Десятинной усадьбой.

14...строительные остатки юго-восточной группы, которая включает красный кварцит, не является архитектурно связанной с выявленной монументальной кладкой и возможно принадлежат к какой-то другой постройке»³⁴.

Таким образом, выявленные остатки дворца действительно принадлежат более позднему времени и подтверждают высказанное В. Н. Зоценко предположение о его датировке. Однако другим важным и одновременно неутешительным выводом является замечание о расположении входа постройки с юго-восточной стороны. Такое расположение говорит о том, что культурный слой и остатки каких-то сооружений, в том числе, возможно, и ранних, располагались также к востоку, на том месте, где ныне овраг и начало Андреевского спуска. Интересно, что именно с этой территории (буквальная локализация: «неподалёку от так называемого «Боричевого взвоза») связаны случайные находки двух скорлупообразных фибул, несомненно, происходивших из разрушенных погребений³⁵.

В своё время Д. В. Милеев, а впоследствии и П. П. Толочко, высказали предположение, что гражданской постройкой мог быть сруб, выявленный в южной апсиде Десятинной церкви. М. К. Каргер считал этот сруб остатками погребения.

34 Научный архив Института археологии НАН Украины 1938 г. № 331.

35 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 218. Таб. XXX.

Эту точку зрения поддержал ряд исследователей³⁶, в том числе и В. Н. Зоценко, который датирует это погребение не позднее начала 70-х гг. X в. Как уже было упомянуто выше, сам исследователь камеры — Д. В. Милеев был совершенно уверен в том, что раскопанное им сооружение является гражданской постройкой:

«Постройка была заложена на чистой материковой глине, причём заложение её было глубже, чем заложение Владимировой церкви на глубине от современной поверхности 2,50 м; деревянное же сооружение заложено от современной поверхности земли 3,10 м, т. о. нижние брёвна деревянной постройки оказались на $\frac{3}{4}$ аршина глубже подошв фундаментов древней церкви и в тех местах, где прошли над поверхностью фундаменты и при выемке земли для фундамента не было скрыто, и остались над ними. На запад деревянная постройка выходит за пределы южной апсиды. Поверхность земли эпохи деревянной постройки от современной поверхности на расстоянии 1,80 м... Срубы постройки были заложены в землю на глубину до 2 аршин, причём выемка земли при деревянном сооружении была несколько шире сруба. Сруб был связан, очевидно, в замок (зачёркнуто карандашом. — Ф. А.), и первый венец сруба был поставлен на чистом материке светлой глины, по бокам засыпан землёй. Брёвна этой постройки были сосновые, сильно истлевшие. Ширина этой деревянной постройки равняется 5 $\frac{1}{2}$ м, толщина бревна около 25 см. Между брёвнами на материковой глине лежал сплошной слой очень плотного чернозёма толщиной 0,20 см. В этом слое найдены металлические украшения, черепки, несколько железных игл, гвоздей, костей животных»³⁷.

Почему Д. В. Милеев считал это сооружение постройкой, можно объяснить двумя причинами: он не знал о существовании камерных захоронений, а в этом к тому же отсутствовало погребение. Вместе с тем, заслуживает внимания упоминание на дне постройки чёрного слоя земли. Чёрный плотный грунт, скорее всего, является остатками засыпки погребения. Однако удивляет отсутствие остального грунта. К. А. Михайлов сделал интересное предположение о том, что погребение было вскрыто при строительстве церкви, а останки перезахоронены. Исследователь предположил определённую связь между погребениями и сооружением церкви, что могло объясняться расположением здесь участка кладбища с захоронением родственников Владимира³⁸.

36 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (хронологічний аналіз поховальних комплексів). *Церква Богородиці Десятинна у Києві*. К., 1996. С. 43–46; Михайлов К. А. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово. *Гнёздово. 125 лет исследования памятника*. М., 1999. С. 159–175.

37 Дневник Д. В. Милеева. НБУ IP. Ф. 152, стр. 35–36. См. план постройки, опубликованный в статье: Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви. С. 44.

38 Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. *Российская археология*. 2004, № 1. С. 35–45.

Такая точка зрения представляется весьма перспективной. Существует ещё несколько показательных примеров связи церковей с предшествующими им курганами. Могила убитого Олегом Дира, согласно летописи, находилась «за святою Ориною», сооружённой Ярославом Владимировичем. Олма (сканд. *Holmi*³⁹) имел двор, а впоследствии соорудил церковь «святого Николу» в Угорском, на месте могилы Аскольда⁴⁰. Некто Туры (сканд. *Pórir*⁴¹) имел свою божницу («Турова божница»), где-то поблизости от Десятинной церкви, где в X веке располагался языческий курганный могильник⁴². Практика сооружения христианских церковей на месте или поблизости от языческих родовых могильников известна в Дании, где в Эллинге конунг Харальд Синезубый рядом с большими курганами построил церковь и перенёс туда захоронение своего отца — короля Горма⁴³. Наиболее ярким примером в Швеции является Вендель, где на месте родового кладбища знати, функционировавшего с VI по XII в., была сооружена церковь⁴⁴. Наконец один такой пример известен в восточной Исландии, где в Тораринстадире на месте знатных языческих погребений (найлены серебряные кольцо, монета) около 1000 г. была сооружена деревянная церковь. Первоначально языческий могильник стал, таким образом, церковным погостом⁴⁵. Известно о существовании тесной связи между курганами и близлежащими дворами, которые представляли собой составные части одаля. Существовало даже особое обозначение для курганов, ассоциированных с одалем — «*odelshaugen*». Нанесение ущерба таким курганам считалось тяжёлым преступлением⁴⁶. Как свидетельствуют средневековые источники, место и значение курганов в конструкции географии культурного ландшафта Скандинавии трудно переоценить. К примеру, само понятие о старых усадьбах/дворах/деревнях (*högha byg*), как правило, предполагало наличие поблизости курганов⁴⁷. Курганы нередко использовались в раннесредневековой юридической практике как свидетельство или доказательств права наследства на землю или запрета на её продажу. В норвежских средневековых законах зафиксирован даже специальный термин «*högdalman*», применяемый к человеку, ведущему своё происхождение от того, кто погребён в определённом

39 Thompsen V. *Ryska rikets grundläggning genom skandinaverna*, s. 123.

40 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 20.

41 Thompsen V. *Ryska rikets grundläggning genom skandinaverna*, s. 128.

42 Толочко О. П. Записки з историчной топографії Києва. I–II. *Київська старовина* 5. 2000. С. 144–163.

43 Krogh K. J. “The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of Recent Archaeological Excavations: a Preliminary Report.” *Acta Archaeologica*. Vol. 53 (Copenhagen, 1982).

44 Stolpe H. J., Arne T. J. *Graffältet vid Vendel* (Stockholm, 1912).

45 Kristjánsdóttir S. “Timburkirkja og grafreitir úr frumkristni. Af fornleifauppgreftir á Þórarinsstöðum í Seyðisfirði.” *Árbók hins íslenska fornleifafélags 2000–2001* (Reykjavík, 2003), s. 113–142.

46 Brøgger A. W. “Oseberggraven-haugbrottet,” *Viking*. 1945, s. 20

47 Jenssen Ola W. *Fortid i historien. En arkeologhistorisk studie av synen p[å] fortyd och forntida lämningar, från medeltiden till och med förupplýsningen [=GOTARK Serie b. Gothenburg Archaeological Theses no 19] (Göteborg, 2002), s. 153ff.*

кургане⁴⁸. Древние представления о континуитете между поколениями — существенная черта, которая помогает понять, что представлялось историей для людей, живших в эпоху викингов. Блестящим археологическим отражением такого континуитета являются могильники определённых знатных родов, такие как Вендель, Вальсёрде, Туна в Швеции, ведущие своё начало от эпохи переселения народов до времени раннего средневековья.

Хорошим примером континуитета между курганами с богатым погребальным инвентарём, усадебной застройкой, близлежащими церквями и их кладбищами является участок юго-восточной части города Владимира, исследованный в 1988–1989 гг. Я. Е. Боровским и А. П. Калюком. Территория представляет собой край плато Старокиевской горы, который плавно понижается в направлении с севера на юг. Максимальная толщина культурных наслоений в данном месте достигает 2,1 м, однако их сохранность разная. Например, в ходе раскопок было выяснено, что культурные слои XII–XVIII вв. были уничтожены в ходе интенсивных строительных работ на протяжении последних двух столетий. Поэтому большинство находок происходит из углублённых в материк объектов. Относительно хорошо сохранился культурный слой XI в., который содержал также находки предшествующего времени, например, славянскую керамику культуры Луки-Райковецкой и более ранние⁴⁹.

В целом, исследованные материалы, с учётом стратиграфических наблюдений, можно отнести к нескольким периодам.

Период 1 (X век) (рис. 3). Объекты этого времени расположены в северной и южной частях раскопанного участка. В южной части исследовано камерное погребение срубной конструкции размерами 4x4 м (№ 1). Погребение было ограблено в древности, но, несмотря на это, на его дне было обнаружено большое количество находок, свидетельствующих о его богатстве. Здесь найдены: серебряное кольцо, железный серп, железный умбон и оковки от щита, металлические пластины и навершие от шлема, обломок ножа, фрагмент оселка, обломок одностороннего гребня, серебряные бляшки и наконечники ремня, пуговицы, серебряные зернённые бусы, а также бусы из стекла и камня, серебряные оковки деревянной чаши. В перемешанном состоянии в камере были найдены человеческие кости, а также кости животных. Погребение было потревожено, вероятно, во второй половине XIII в. во время постройки жилого сооружения. В 8 м к западу от камерного погребения был найден углублённый в материк котлован постройки достаточно больших размеров (7,2x3(4) м), вытянутый в направлении с севера на юг. В центре постройки располагалась яма диаметром 4 м и глубиной 0,5 м от пола постройки. В постройке найдены кремнированные кости и человеческий череп, два астрагала, рыба чешуя, обломки плитины, бронзовая подковообразная фибула и височное кольцо. Из-за

48 Jønsen Ola W. "Fortid i historien," s. 156.

49 Боровський Я. Є., Калюк О. П. Дослідження Київського дитинця. *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989*. К., 1993. С. 3–42.

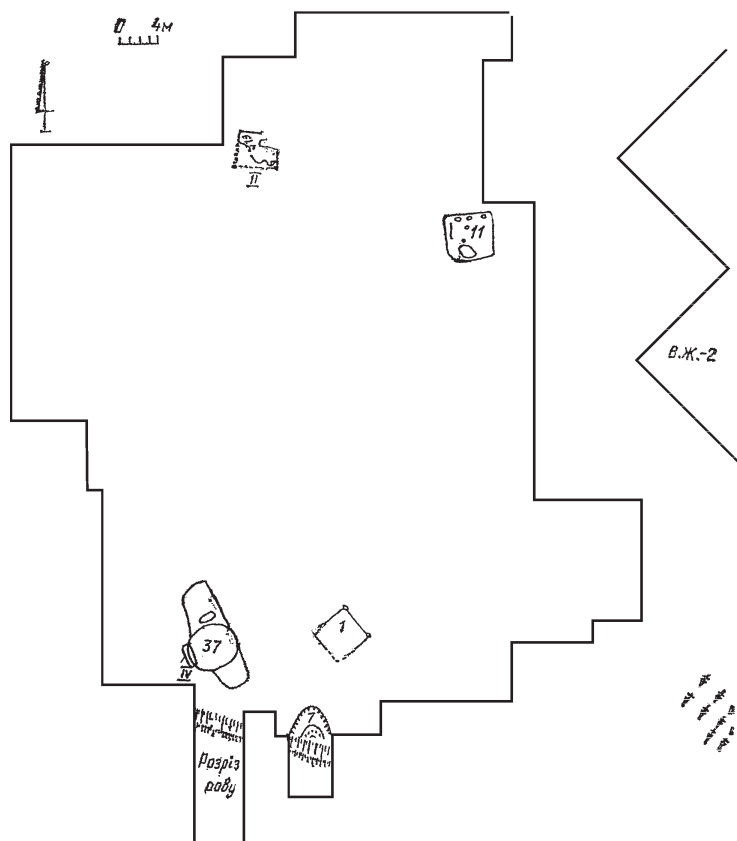


Рис. 3. План застройки X в. по улице Житомирская, 2

того, что постройка частично разрушена более поздней древнерусской и средневековой застройкой, невозможно сказать ничего определённого о её функциональном назначении. Единственное, что можно утверждать с уверенностью — это то, что постройка датируется более ранним временем, нежели вырытое в её западной части погребение. Последнее содержало захоронение ребёнка 3–4 лет, вытянутое на спине с руками вдоль тела. В ногах был положен небольшой орнаментированный сосуд, изготовленный на гончарном круге. Возле шеи — две бусины, а возле костей таза — маленький серебряный колокольчик. Исследователи датировали погребение X в.⁵⁰ К югу от погребальной камеры была частично выявлена углублённая часть постройки параболических очертаний, с вертикально вбитыми вдоль стен внутренней стороны деревян-

50 Там же. С. 10.

ными горбылями. В постройке найдены кости животных, рыба чешуя, железный нож, обломки сосудов, а также человеческий череп, возможно, происходящий из разрушенного погребения более раннего времени.

В 40 м к северу от погребальной камеры 1 располагалось другое камерное погребение каркасно-столбовой конструкции размерами 3х3 м, ориентированное стенами по сторонам света (№ II). Дно камеры было обмазано глиной. Внутренняя часть разделена доской на две половины. В северной части найдены кости ног человека. В южной части — кости лошади с удилами. В камере находились железные обручи и дужка ведра. В яме XVIII в., которая перерезала камеру, найдено железное стремя, также, вероятно, происходившее из этого погребения. В 11 м на юго-запад от камеры в грунтовой яме выявлено ещё одно погребение с детскими останками в деревянном гробу. У шейных позвонков найдены серебряный крест, так называемого «скандинавского типа», а также бронзовая пуговица. Приблизительно в 30 м к юго-востоку от камерного погребения, в этой части раскопа, была выявлена также жилая постройка X в., ориентированная стенами по сторонам света (№ 11)⁵¹.

Таким образом, судя по данным материалам, можно предположить, что на этом участке киевского детинца существовали две усадьбы, с расположенными в непосредственной близости небольшими кладбищами, состоящими из нескольких курганов.

Период 2 (XI век) (рис. 4). В течение этого периода произошли значительные изменения на данной территории. Прежде всего, была проложена грунтовая улица шириной 1,8 м, идущая с юго-востока на северо-запад, вероятно, продолжение той же улицы, остатки которой были зафиксированы ранее к северо-западу от исследованного участка⁵². С южной стороны улицы в это время существовала усадьба, огороженная с северо-западной и юго-восточной стороны деревянным частоколом, вертикально вбитым в открытые для этого ровики. Исследованная площадь усадьбы 275–300 кв. м⁵³. Надо полагать, усадьба состояла из четырёх построек. Одна из них (№ 8) — самая большая — была вытянута вдоль ограды и улицы общей длиной 8,3 м, шириной 1,6 и глубиной 0,8–1,5 м. В центральной части постройки выявлен глиняный пол и столбовая яма диаметром 40 и глубиной 37 см. В заполнении постройки выявлены обломки керамики, древнерусского кирпича, стеклянный шарик и крест, а также кости животных (бык, свинья) и птицы. К югу от этой постройки располагалось углублённое жилище (№ 2) с печью в юго-западном углу. В жилище найдены: фрагмент глиняного пряслица, плоско-выпуклый стеклянный браслет, астрагал, сосуд, костяная заготовка какого-то предмета, стеклянный шлак, гвозди,

51 Там же. С. 11.

52 Гончаров В. К.. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. *Археологія*. X. 1957. С. 122–135.

53 Там же. С. 14.

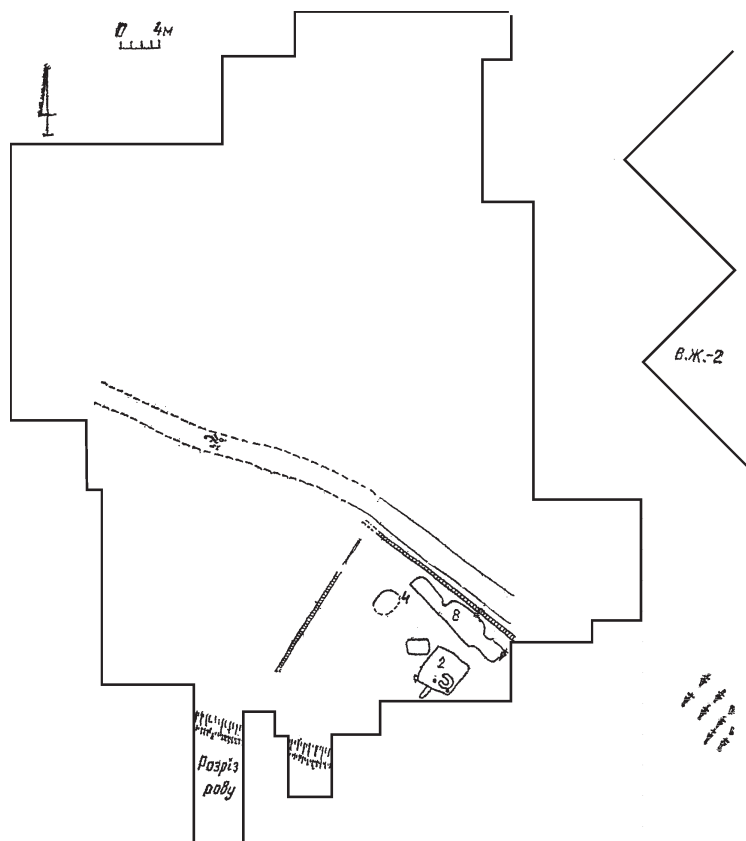


Рис. 4. План застройки XI в. по улице Житомирская, 2

византийская печать второй половины X — первой половины XI вв.⁵⁴ Вход в жилище располагался с юго-запада. В 2,5 м к северо-западу располагалась хозяйственная постройка, от которой сохранился котлован прямоугольной формы размерами 2,5x2,4 м и глубиной 1,2 м. В постройке найдены обломки гончарной посуды, обломки кирпичей, свинцовая пуговица, кости животных. К северо-западу от этой постройки было выявлено ещё одно хозяйственное сооружение в виде округлой ямы размерами 1,9x2,1 м, отрытой на глубину 1,15 м. В ней найдены обломки посуды, древнерусского кирпича и значительное количество костей.

Интересно, что юго-западный угол усадьбы остаётся не застроенным. Здесь не выявлено ни одного объекта этого периода, что, вероятно, свидетельствует о

54 Булгакова В. В. Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве. 2000 <http://archaeology.kiev.ua/journal/050900/bulgakova.htm>

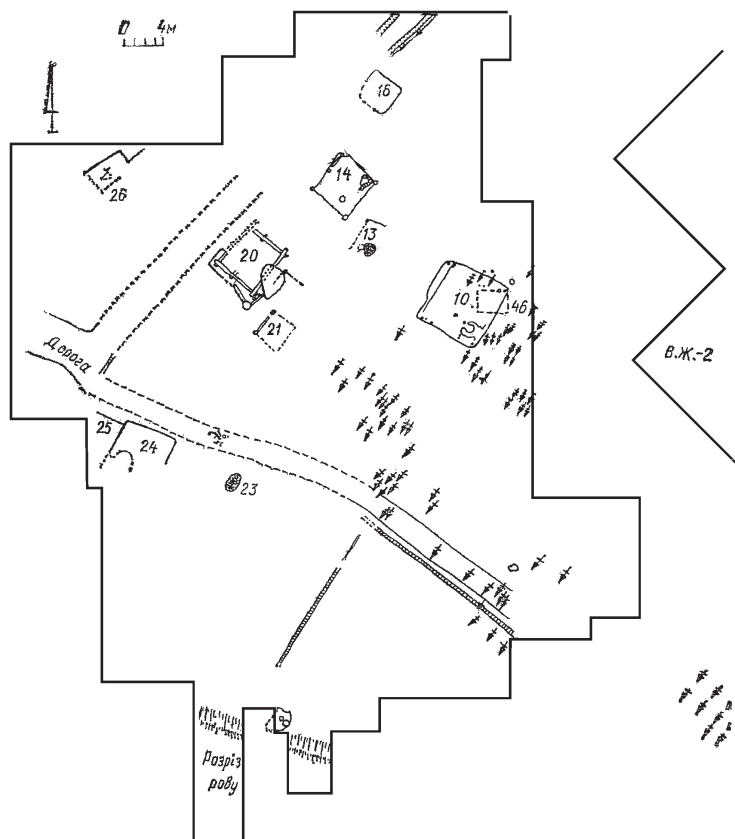


Рис. 5. План застройки XII в. по улице Житомирская, 2

том, что это место было занято курганом, всё ещё стоявшем на своём месте. Нет также объектов в северо-западном углу усадьбы. Это позволяет предположить, что границы северо-западной ограды были установлены по северо-западному краю насыпи кургана. Обнесение кургана усадебной оградой должно быть достаточно символичным и свидетельствует о какой-то связи между погребённым и владельцами усадьбы этого времени.

Период 3 (XII век) (рис. 5). В это время перпендикулярно старой строится новая улица, ведущая с юго-запада на северо-восток. Во время прокладки улицы была снесена насыпь камерного погребения № II. Вдоль улицы и к востоку от неё строятся жилища и хозяйственные постройки, принадлежавшие, скорее всего, нескольким разным усадьбам. Одно жилище (№ 14) квадратной формы размерами 3,6х3,6 м каркасно-столбовой конструкции. Вход в жилище находился с северо-запада, со стороны улицы, где найдены две вырезанные в

материке ступеньки с остатками дерева. В северо-восточном углу жилища располагалась печь, сложенная из кирпича. В постройке найдены: обломки посуды, наконечник костяной стрелы, свинцовая гирька, фрагмент бронзового браслета. Вблизи жилища исследована хозяйственная яма, содержащая обломки посуды, часть бронзового браслета, обломки стеклянной посуды, бусин, обломки кирпича и шифера. К северу от жилища, вдоль улицы располагалась ювелирная мастерская. Мастерская представляла собой постройку каркасно-столбовой конструкции размерами 2,8x2,8 м с подклетом, отрытым на глубину 1,2 м. Здесь найдены две бронзовые матрицы для изготовления колтов с изображением грифона и плетёнки, обломки каменных дисков, каменный крестик, серебряный перстень, бронзовые бляшки, стеклянные браслеты, бусина, железный замок, ключ, гвозди, оселок, жернова, обломки керамики, амфор (некоторые с отдельными знаками или остатками надписей), плинфы и шифера, кости животных⁵⁵.

К востоку от упомянутой постройки располагался большой дом срубной конструкции (№ 10) размерами 4,75x4,90 м с большим — 5,4x5,6 м — котлованом, отрытым на глубину 1,2 м. В южном углу жилища находилась печь, над которой найдены остатки другой глинобитной печи, рухнувшей во время пожара вместе с деревянными конструкциями второго этажа. В жилище обнаружены обломки гончарной посуды, византийских амфор, стеклянных браслетов, гвоздей, кирпичей, астрагалы, ножи, оселки, свинцовое грузило, костяная пуговица, фрагмент бронзового энколпиона, костяная игрушка и обломок глиняной фигурки коня. В завале жилища (№ 13), расположенного к юго-востоку от предыдущего, найдено пряслице с прочерченным женским именем — Ли́ла — одной из жительниц усадьбы⁵⁶. В состав этой же усадьбы входила одна хозяйственная постройка — сруб (№ 20), расположенный вдоль улицы, размерами 3,8x3,8 м, с остатками деревянного пола. Здесь найдены обломки посуды, шиферное пряслице, обломки амфор, кирпичей, поливной плитки, сердоликовая бусина. К юго-востоку от этой постройки располагалась другая (№ 21), такой же конструкции, но несколько меньших размеров, содержащая обломки посуды, амфор и кирпичей XII в. К северу от новой улицы, на расстоянии около 10 м от неё, была сооружена кузница, представляющая собой углублённое в грунт помещение, в полу которого были сооружены два или три горна. Здесь же найдено керамическое сопло.

Меняется планировка усадьбы, расположенной к югу от старой улицы. Жилая постройка переносится вглубь двора, ограниченного с юга рвом, где был построен сруб с печью, расположенной в северном углу (№ 6). В жилище найдены обломки посуды, в том числе украшенной поливой, стеклянные браслеты, детали железного замка, кости рыб и животных, около 20 пряслиц.

55 Боровський Я. Є., Калюк О. П. Дослідження Київського дитинця. С. 27.

56 Там же. С. 35.

Других объектов этого времени на исследованном участке не выявлено⁵⁷. К западу от этой усадьбы возникает новая, состоящая из жилища (№ 23) и хозяйственных сооружений столбовой конструкции⁵⁸. Во второй половине XII в. всю центральную часть участка занимает кладбище, расположенное к северо-востоку от усадьбы и частично перекрывающее старую улицу. Погребённые в гробах иногда сопровождалась инвентарём. В некоторых из погребений найдены: стеклянные браслеты и кубки, перстень, бусина, височные кольца, стеклянная посуда, керамика, фрагменты амфор, ножи, крюк, кольцо, фибула, кремь, кресало, клыки медведя, кабана, кости быка, коровы, курицы. Находки свидетельствуют, что кладбище продолжало функционировать на протяжении XIII и XIV вв.⁵⁹

Период 4 (XIII век) (рис. 6). Во второй половине XIII в. старая улица, ведущая ко дворцу и Десятинной церкви, теряет своё значение в связи с разрушением этих построек и тотальным изменением городской структуры. К югу от старой улицы, на месте усадьбы XI–XII вв., строится большая наземная постройка длиной 14,5 м с двумя подклетами каркасно-столбовой конструкции. Постройка ориентирована с северо-запада на юго-восток и построена на месте северо-западной ограды усадьбы XI–XII вв. Во время сооружения юго-восточной подклети было повреждено камерное погребение X в., курганная насыпь которого, вероятно, к этому времени оплыла. Два найденные черепа были перезахоронены под печью. Они лежали на тонкой железной пластине, одной из тех, которые были найдены в самой камере. В другой подклети также располагалась печь. В заполнении клеток найдены обломки брускового кирпича, керамические плитки, обломки посуды, также поливных сосудов, детали двух цилиндрических замков, ключей, обломок косы, стеклянные браслеты, две византийские каменные иконки, подвеска в виде архангела⁶⁰. На восток от жилой постройки располагалась хозяйственная постройка с котлованом прямоугольной формы, размерами 2,35x1,3 м. В ней выявлены обломки керамики, деревянной резной посуды, стеклянная шашка, браслет и бусина. В яме-погребении постройки найдены: обгорелое зерно, железный струг, целая амфорка киевского типа, одна часть энколпиона, фрагменты резной деревянной чаши. Обе постройки погибли от пожара.

Таким образом, историю освоения этого участка древнего Киева можно представить следующим образом.

В X веке здесь располагалось два двора, в непосредственной близости от которых размещались небольшие курганные кладбища. Судя по обряду погребения (камерные погребения, погребение коня), а также погребальному инвентарю

57 Там же. С. 14.

58 Там же. С. 26.

59 Там же. С. 33.

60 Там же. С. 17–23.

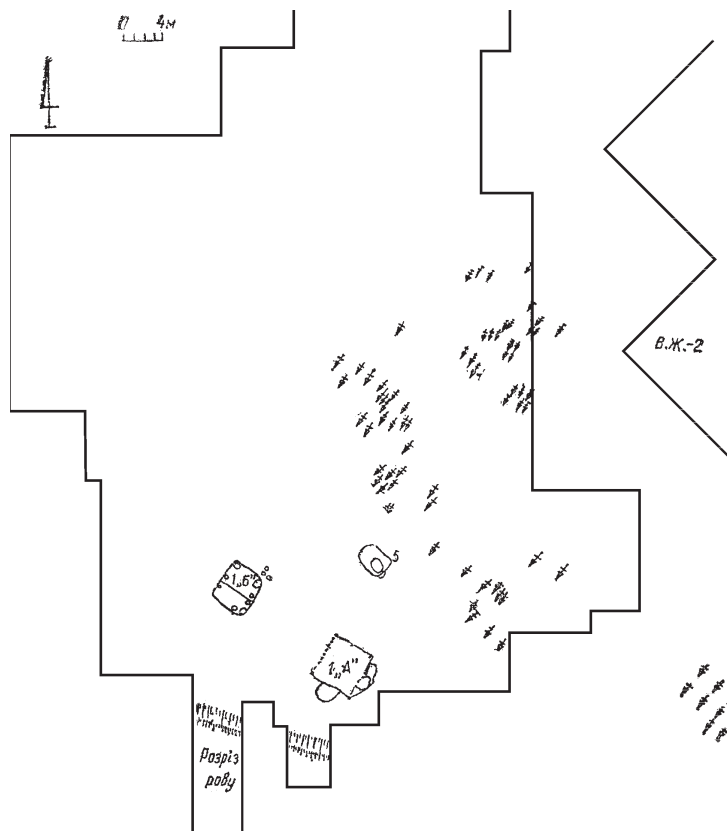


Рис. 6. План застройки XIII в. по улице Житомирская, 2

одной из камер, умершие при жизни имели достаточно высокий социальный статус и были вовлечены в военные и, возможно, торговые предприятия.

В XI веке на данном участке существует только одна-единственная усадьба, огороженная с южной стороны рвом, а с северо-западной и северо-восточной — деревянным забором. Незастроенный юго-западный угол усадьбы указывает на то, что забором были огорожены не только постройки, но также, вероятно, и расположенный здесь курган с камерным погребением X в. Появление регулярной застройки было обусловлено возникновением улицы, которая вела в северо-западном направлении, к расположенным там дворцу и Десятинной церкви. Все постройки усадьбы тяготеют к улице. находка крестика в одной из построек свидетельствует о том, что хозяин был христианином, а византийские печать и стеклянный браслет, найденные в жилище, о его высоком социальном статусе.

В XII веке к северо-востоку от старой была проложена новая улица. Трасса новой улицы прошла по расположенному здесь в X и, возможно, XI вв. кургану. Возникновение улицы сопровождалось перенесением большинства построек в северную часть участка и их концентрацией вдоль трассы улицы. Входы двух построек (№ 14, 10) располагались со стороны улицы. Здесь же находилась ювелирная мастерская. Следов каких-либо оград, которые позволили бы определить количество существовавших здесь дворов, не выявлено. Однако возникшее где-то во второй четверти XII в. кладбище перекрывает как старую улицу, с расположенную к югу от неё в XI в. усадьбой, так и юго-восточную часть усадьбы, расположенную к северу от неё. Это, вероятно, указывает на то, что весь участок принадлежал одному и тому же владельцу. Таким образом, постройки к северу и югу от старой улицы принадлежали к владениям одного и того же владельца. Исследованные погребения входили в состав церковного кладбища, основанного в данном районе где-то около второй четверти XII в. На связь кладбища с располагавшейся здесь поблизости церковью указывают находки кирпича в погребениях, а также постройках. В целом, на всём участке было исследовано 94 погребения⁶¹. Самые поздние из них могут быть отнесены к XIII–XIV вв. Надо полагать, вплоть до этого времени существовала и церковь, расположенная где-то к востоку — северо-востоку от новой улицы и исследованных погребений. Судя по тому, что объекты XVII–XVIII вв. были сооружены на трассе этой улицы, в это время она потеряла своё значение в связи с прекращением функционирования храма. Летописные данные позволяют предположить, что расположенная рядом церковь могла принадлежать к Фёдоровскому монастырю, заложенному князем Мстиславом Владимировичем в 1129 г. и в последний раз упомянутом в источниках под 1259 г.

К середине XIII в. старая улица прекращает своё существование, вероятно, в связи с разрушением дворцовой постройки и Десятинной церкви монголами в 1240 г. Её место было частично занято могилами растущего кладбища. В южной части участка, ближе ко рву, в это время была сооружена большая постройка с двумя подклетьями. Одна хозяйственная постройка была вытянута вдоль направления заброшенной старой улицы к северо-востоку от жилища. Находки из жилища и постройки (крест-энколпион, подвеска в виде архангела, каменные иконки) указывают на непосредственное отношение владельца усадьбы к расположенной поблизости церкви.

Таким образом, исследованный участок характеризуется непрерывным континуитетом высокого социального статуса его хозяев с X по XIII вв. Интересно, что на протяжении всего этого времени в сферу интересов и деятельности его хозяев входят контакты с Византией (печать, амфоры, иконки), а также тесные связи с церковью (крест, энколпионы, иконки). Близкий по характеру контекст находок зафиксирован на усадьбах, раскопанных в 1955 г. к северо-западу от

61 Там же. С. 32.

упомянутого выше участка (современная улица Владимирская, 7–9)⁶². Здесь выявлен участок улицы, совпадающей по своему направлению со старой улицей, выявленной на участке по улице Большая Житомирская, 2. На раскопанном участке исследовано погребение с трупосожжением, найдена византийская печать протоспафария Фоки второй–третьей четверти X в. К северо-востоку от улицы раскопаны жилые и хозяйственные объекты XI–XIII вв. В раскопе найдены: гончарная керамика, обломки византийских амфор, замки, ключи, обломки стеклянных украшений, шиферных украшений. Найдены также строительные материалы — кирпичи, куски фресок, шиферных карнизов, поливных плиток, кусочки смальты и мозаики. Исследована ювелирная мастерская XII–XIII вв., а также два горна для изготовления ювелирных изделий⁶³. В одной из построек найдены фрагменты византийских амфор и свинцовая печать князя Ростислава Владимировича (умер в 1066 г.) или Мстислава Изяславича (умер в 1069 г.)⁶⁴. В другой, погибшей в пожаре, найдены обломки керамической посуды (на одном днище сосуда изображен княжеский знак в виде трезубца), обломки стеклянной и медной посуды, а также клад золотых и серебряных вещей со следами отходов производства, среди которых необходимо отметить детали хороса⁶⁵. По мнению исследователей, обнаруженные здесь объекты были связаны с Фёдоровским монастырем, построенным князем Мстиславом Владимировичем в 1129 г.⁶⁶ Однако найденные печати, ювелирная мастерская, а также клад свидетельствуют о принадлежности объектов к княжескому двору. Приблизительно посередине между постройками, исследованными по ул. Владимирской и теми, которые были раскопаны по ул. Большая Житомирская, 2 в жилище конца X — начала XI вв. была найдена ещё одна свинцовая древнерусская печать⁶⁷. Интересно, что здесь же было найдено камерное погребение X в. с мечом⁶⁸. Таким образом, на участке между современными улицами Владимирская и Большая Житомирская найдены погребения X в., три печати X–XI вв., остатки древнерусской церкви/монастыря XII в. и одновременного ему кладбища. Совокупность этих данных позволяет локализовать именно в этом месте летописный Мстиславов двор. Известно, что у Мстислава было также другое имя — Харальд. Он был женат на Кристине — дочери шведского короля Инги Стейнкельсона. Одна из их дочерей носила имя Ингеборг и была замужем за датским королём Кнудом Лавардом. Имя другой дочери было Мальфрид. Она была выдана замуж за норвежского короля Сигурда

62 Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. С. 122–135.

63 Там же. С. 128, 132.

64 Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Том 1. Печати X — начала XIII вв.* М., 1970. С. 172–173.

65 Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. С. 128.

66 Там же. С. 134.

67 Булгакова В. В. Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве.

68 Каргер М. К. *Древний Киев.* Т. 1, погребение № 114.

Крестоносца. Вполне вероятно, что скандинавский язык был домашним языком в семье Мстислава⁶⁹. В этой связи надо полагать, место расположения Мстиславова двора и Фёдоровского монастыря было выбрано не случайно. Оно должно было символизировать преемственность старых и новых связей с Северной Европой.

На территории города Владимира известна ещё одна постройка X в., которая была интерпретирована её исследователями как капище⁷⁰ (рис. 7). Постройка раскопана частично — зафиксированы её фундаментные рвы, заполненные в более позднее время обломками плинфы, шифера и цемьянки. Судя по зафик-

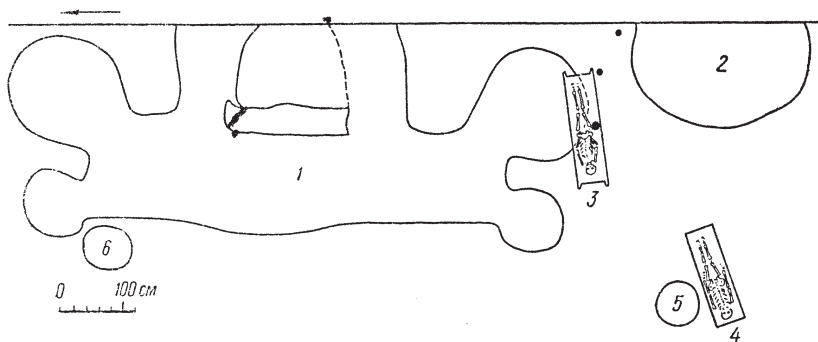


Рис. 7. План так называемого «капища» по улице Владимирская, 3 (по П. П. Толочко и Я. Е. Боровскому)

сированной части (её длина 7 м, глубина фундаментных рвов 50–70 см), объект был достаточно больших размеров. По его углам зафиксированы четыре столбовых ямы (большие диаметром 2 и меньшие 1 м). Его интерпретации как капища Владимира, упомянутого в летописи под 980 г., противоречит женское погребение X в., перерезавшее юго-восточный угловой столб. То, что погребение перерезало один из столбов постройки, указывает на его датировку более поздним временем, нежели сама постройка. В погребении найдены две серебряные серёжки, золотая нитка, нож и костяной орнаментированный гребень. На основании последнего погребение было датировано концом X в.⁷¹ Однако такие гребни невозможно датировать точнее, чем X в., как это показывает хронология подобных вещей в шведском могильнике Бирка⁷². Это погребение, как и ещё одно выявленное рядом с постройкой, совершены в гробах,

69 Forssman J. *Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa* (Bern, 1970), s. 113.

70 Толочко П. П., Боровский Я. С. Язичницьке капище в «городі» Володимира. *Археологія Києва. Дослідження і матеріали*. К., 1979. С. 3–10.

71 Там же. С. 8.

72 Ambrosiani K. "Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe," *Stockholm Studies in Archaeology* 2 (Stockholm, 1981), p. 25, fig. 9, 76, 82.

ориентированных с небольшим отклонением к западу, что вероятно указывает на христианскую принадлежность умерших. Выявленные в постройке и в заполнении расположенной рядом печи XII в. строительные материалы указывают на существование поблизости в XI–XII вв. какой-то церкви. Всё это позволяет предположить, что раскопанный объект является не капищем, а скорее всего остатками древнейшей неизвестной нам церкви⁷³.

Перезахоронение останков князей, а также сооружение на их месте церквей и усадеб, свидетельствует о бытовании какой-то устной традиции о родственной связи между знатными языческими предками и их потомками-христианами. Любопытно, что в древнем Киеве такие церкви сооружались элитой скандинавского происхождения. Показательным примером является киевский клад, обнаруженный в 1903 году в усадьбе Михайловского монастыря. В состав вещей клада входили 7 крестовидных серебряных подвесок второй половины X в. (рис. 8:3), орнаментированные в южнскандинавском стиле «Хиденсе»⁷⁴ (рис. 8:1). Сочетание этих украшений с такими поздними и, бесспорно, славянскими украшениями XII–XIII вв., как колты, серьги и браслеты, свидетельствует об их использовании на Руси на протяжении не менее 150 лет⁷⁵, что само по себе интересно. находка оставалась непонятной вплоть до 1999 г., когда раскопками Г. Ю. Ивакина под фундаментами монастыря было выявлено богатое женское погребение в камере, содержащее фибулу, орнаментированную в таком же стиле⁷⁶ (рис. 8:2). По мнению исследователей, курганная группа на данной территории существовала вплоть до середины XI в., после чего здесь возникла жилая, нерегулярная застройка⁷⁷, на месте которой и был основан монастырь. Таким образом, могилы знатных предков были своего рода преобразователями культурного ландшафта — вокруг них возникали родовые кладбища, богатые усадьбы, церкви и

73 Надо полагать, сооружение языческого капища Владимиром в Киеве вряд ли вообще имело место. Многие детали его жития весьма прозрачно намекают на Ветхий Завет. См: ПБЛ. С. 613; Müller L. *Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988* [=Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte. Bd. 6] (München, 1987). О том, что красочно описанный в «Повести временных лет» «пантеон» Владимира есть искусственной конструкцией позднейшего христианина-летописца, но не реальностью X в., писал в свое время Х. Ловмянский, настаивавший, что концепция «пантеона» была чужда славянскому язычеству (Łowmiański H. *Religia słowian i jej upadek, w. VI–XII* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979).

74 *Древности Приднестровья и побережья Черного моря. Собрание Б. И. и В. И. Ханенко*. Вып. VI. К., 1907. С. 36–37. О работах в стиле Хиденсе и его элитарном характере см: Duzcko W. “Kungar, thegnar, juveler och silverskatter,” *Tor* 27:2. 1995, s. 644; Armbruster B. R. “Die Preßmodel von Haithabu,” *Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa*. Herausg. von Klaus Brandt, Michael Müller-Wille und Christian Radtke (Washholtz Verlag, 1998), s. 219–280.

75 Корзухина Г. Ф. *Русские клады*. М., Л. 1954. С. 66–67, рис. 13.

76 Ивакин Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. С., Чміль Л. В. Дослідження на території Михайлівського Золотоверхого монастиря у 1998–1999 рр. *Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр.* К., 1999. С. 5–6.

77 Ивакин Г., Козюба В. Исторична топографія Михайлівської гори у Києві XI–XIII ст. «*А се его сребро*». *Збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя*. К., 2002. С. 81.

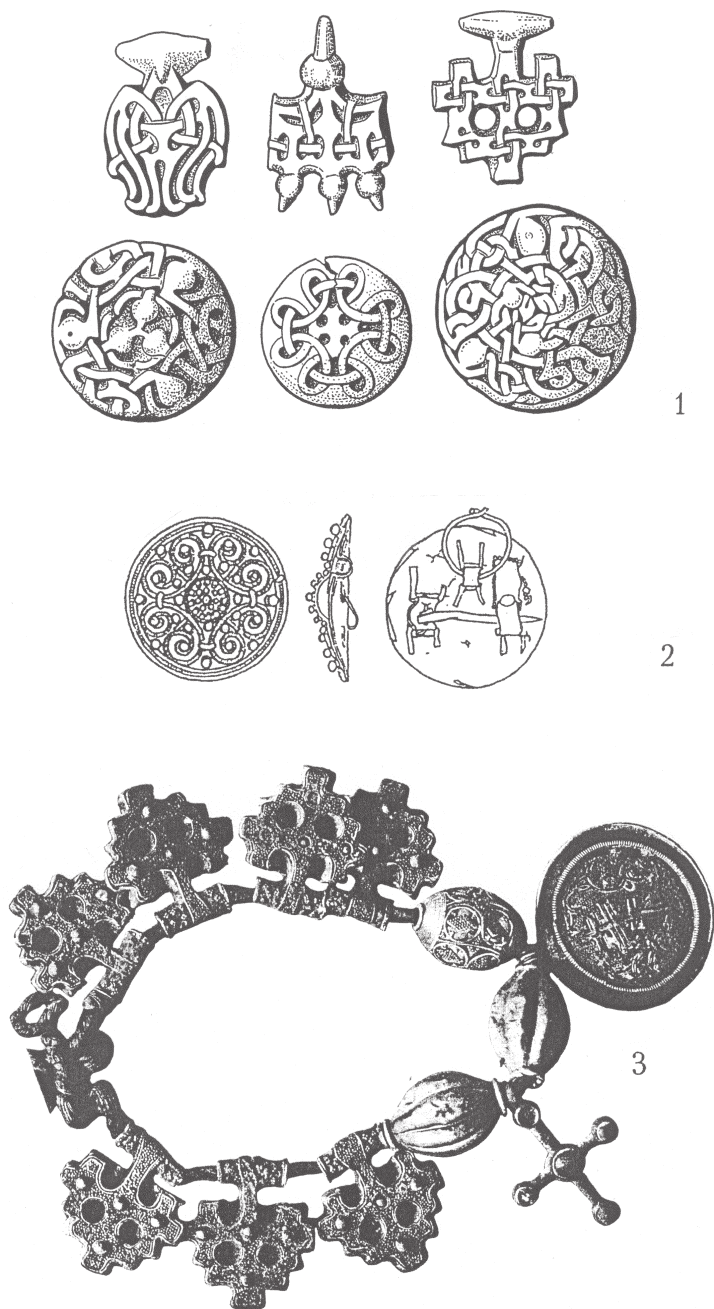


Рис. 8. Скандинавские вещи в стиле Хиденсе (1 — Хедebu; 2 — Киев, погребение в усадьбе Михайловского монастыря; 3 — Киев, клад в усадьбе Михайловского монастыря).

монастыри. Нужно сказать, что отсутствие скандинавских вещей в культурных отложениях X в. Подола, как уже отмечалось выше, ставит под сомнение предположение В. Н. Зоценко о проживании там выходцев из Северной Европы. Сомнительной также представляется подсчитанная по крайним погребениям площадь могильника — 60 га. Скорее всего, речь идёт о ряде групп курганов, располагавшихся по близости от усадеб. Последние крайне трудно выявить из-за интенсивной застройки Верхнего города последующего времени. Тем не менее некоторые из них всё же удаётся вычленить, как это было показано выше, или локализовать косвенно на основании найденных кладов ювелирных украшений. К таковым относится клад, обнаруженный в бывшей усадьбе Сикорского, содержащий шесть скандинавских золотых браслетов трёх различных типов⁷⁸. Находки кладов на территории могильников неизвестны. Единственным известным нам исключением является клад, найденный на могильнике в Хельгё в Средней Швеции (точнее, на его границе вне зоны погребений), местоположение которого интерпретируется как ритуальное⁷⁹. Таким образом можно полагать, что на территории Верхнего города располагались отдельные усадьбы, возле которых находились фамильные кладбища. Расстояние между отдельными усадьбами и кладбищами могло быть достаточно большим. Хорошим примером может быть сравнительный анализ погребального инвентаря двух женских погребений, найденных в разных частях Верхнего города.

Погребение № 112 было исследовано к северо-западу от Десятинной церкви и содержало парное погребение в камере⁸⁰. Среди сохранившихся вещей: серебряная фибула с длинной иглой (восточно-скандинавское подражание ирландским застёжкам⁸¹), серьги великоморавского типа, широкосерединый перстень с завязанными концами и чеканным орнаментом, монеты-подвески (младшая — 922–923 гг.), сердоликовые бусы и бронзовый маленький ключик византийского происхождения⁸². Перстень является любопытной находкой. Его орнамент — в виде кружков, образующих волнистые линии — очень близок орнаменту некоторых браслетов, найденных в кладах Готланда и Южной Скандинавии, датирующихся второй половиной X — началом XI вв. Другой такой же перстень был

78 Корзухина Г. Ф. *Русские клады*. Таблица V; Grieg S. "Vikingetidens skattefund," *Universitetets oldsaksamlings skrifter Bd II* (Oslo, 1929), s. 233, fig. 50; 258–259, fig. 63; Skovmand R. "De danske skattefund fra vikingetiden og den ældste middelalder indtil omkring 1150," *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie* (København, 1942), s. 61–63, fig. 12; 100–102; 122–123, fig. 28; Hårdh B. *Wikingertidlige Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln* [=Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4, Nr 9] (Bonn-Lund, 1976), taf. 12:1; 18:1:4–3; 20:6; 22:1; 26:II; 34:II; 35:4; 41:II:3–6; Stenberger M. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingzeit. Text und Tafeln* (Stockholm, 1947–58), abb. 70:1–3; 72; 74; 75; 76; 103:1; 104:1–3; 105; 108; 109.

79 Zachrisson T. *Gård, gräns, gravfält: sammanhang kring ädelmetalldepåer och runstenar från vikingatid och medeltid i Uppland och Gästrikland* (Stockholm, 1998).

80 Карпс М. К. *Древний Киев*. Т. 1. Табл. XX.

81 Campbell J. G. "Western Influences on Penannular Brooches and Ringed Pins," *Birka II:1* (Stockholm, 1984), s. 31–38, 37–38

82 Panikova-Bakirtzi D., ed. *Everyday life in Byzantium* (Athens, 2002), p. 275–276, nr. 286–287.

найден в женском погребении поблизости от Золотых ворот⁸³ (рис. 9). В этом погребении найдены также серебряные бусы, украшенные зернью, а также лунница. Обе женщины были несомненно высокого социального статуса и были захоронены на значительном расстоянии друг от друга приблизительно в одно и то же время, на что указывают их украшения. Расположение одного из них у Золотых Ворот, на значительном расстоянии от Подола, определённо говорит о том, что здесь же неподалёку находилась и жилая застройка. С другой стороны, такая топография указывает, что выбор места для строительства «города Ярослава» был не случаен. Оборонительной стеной в XI в. было обнесено пространство, маркированное как усадьбами, так и курганами предков. Известные здесь по летописи купеческие и боярские дворы XII в., следовательно, обнаруживают континуитет с киевской знатью X в., жившей и хоронившей здесь своих родственников. Таким образом, топография скандинавских древностей охватывает, главным образом, территорию Верхнего Киева (с горой Детинкой⁸⁴), где находились, вероятно, как усадьбы, так и расположенные рядом с ними курганы выходцев из Северной Европы. Единственным исключением является ряд скандинавских древностей, происходящих из района Кирилловских высот, на которых остановимся отдельно.

Скандинавские древности в районе Иорданской церкви и Кирилловских высот в Киеве

Большая часть находок происходит из разрушенных погребений, выявленных при случайных обстоятельствах в конце XIX — начале XX вв. Большинство погребений также было раскопано в это же время археологами-любителями или же найдено при случайных обстоятельствах. В советское время данный участок интенсивно застраивался промышленной застройкой, разрушившей остатки археологических памятников. Поэтому сегодня единственными источниками, оставшимися в нашем распоряжении, являются летопись, письменные источники раннего Нового времени, данные карт и нередко противоречивые сведения первых археологов.

II Киевский могильник был условно выделен М. К. Каргером для группы раннесредневековых погребений, расположенных на взгорьях вдоль Кирилловской улицы⁸⁵. Точное название данной местности в древнерусское время неизвестно, однако в XVII—XVIII вв. она принадлежала территории Иорданского монастыря, поэтому в современной киевоведческой литературе существует название этой местности — «у Иорданской церкви».

83 Боровський Я. Є., Архіпова С. І. Дослідження «міста Ярослава». *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989*. К., 1993. С. 206–216, рис. 1

84 Где найден серебряный широкосерединый перстень с завязанными концами, украшенный орнаментом из штампованных треугольников, НІМУ в-3271.

85 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 184–185.

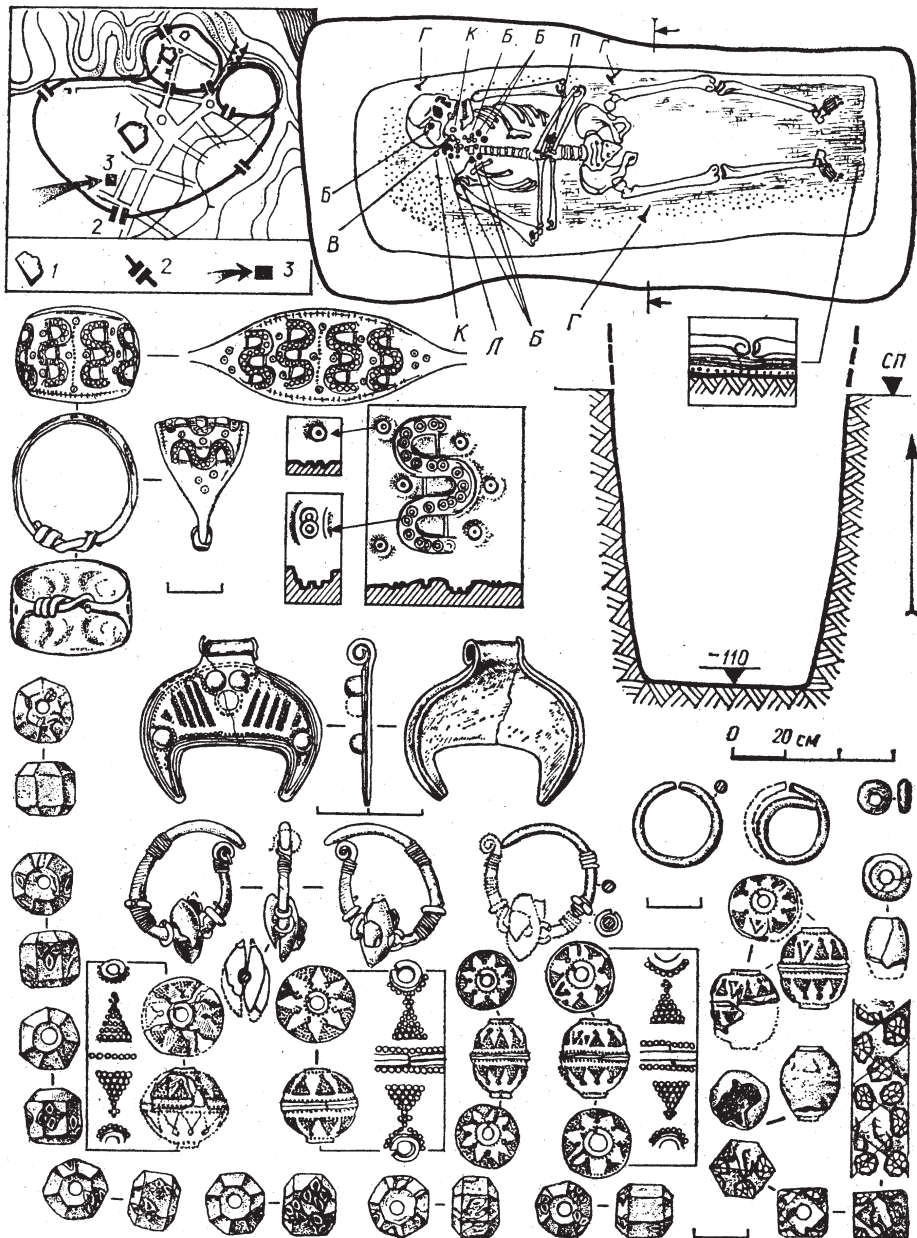


Рис. 9. Находки из женского погребения по ул. Золотоворотской, 2 (по Я. Е. Боровскому и Е. И. Архиповой).

Топография местности. Основными источниками для реконструкции топографии окрестностей бывшей Иорданской церкви являются так называемые «позднесредневековые» акты материалы (на самом деле раннего Нового времени). Из них становится известен целый ряд местных топонимов, позволяющих реконструировать древний ландшафт.

Иорданское и Юрковское озеро. Судя из содержания жалованной грамоты короля Сигизмунда киевским мещанам на гору Щековицу (1619 г.), «Юрков ставок» был границей «съ тими людми, которіе между ставком и горою Щековицею и которіе въ долине Кудравца живутъ»⁸⁶. Следовательно, он располагался у подножия горы Щековицы, в долине, которая заканчивалась у дороги, шедшей к Киеву из Вышгорода (нынешняя Кирилловская улица). Ещё раз, как граница между городскими землями и Кирилловским монастырём, «Юрков ставок» упоминается в «Решении о разграничении земель города Киева, от земель, принадлежащих Киевскому Кирилловскому монастырю» (1701 г.)⁸⁷. С Иорданским монастырём было связано ещё одно озеро — «Иорданское», которое вместе с Клашторным и Кирилловским озёрами было местом впадения ручья Сырец, как это следует из записки Петра Развидовского⁸⁸. На карте Ушакова 1695 г. помечено пять озёр, из которых подписано только два — «Долгое Кирилловское» и «Малое Кирилловское». Развидовский пишет, что Клашторное смыкается с озером Кирилловским и Иорданским, что, видимо, указывает на то, что они представляли собой остатки одного рукава реки Почайны. Сами названия озёр свидетельствуют о владельческой принадлежности к различным монастырям.

«Лысая гора» и «Могилки». О расположении этих мест узнаем из уже упомянутого документа 1701 года:

«А кгда вернулисьмося мы, от того потока изъ монастыра паненского Иорданского, провадили насъ зъездомъ Лисой Горы панове майстроватыи Киевскіи на горы, до могилокъ, противъ тогожь монастыря Иорданского, а особно противъ того яру, въ которомъ тотъ потокъ и гребёлку виделисмо, стоячихъ, показуючи, же яко ставокъ оный зъ низу, такъ тыи могилки на горе суть власною границею земель, межи Киевомъ и монастырём Кирилловскимъ будучихъ. А отъ тыхъ могилокъ оны, панове майстровыи, вели насъ до креста Данилового, будучого край шляху зъ Киева и отъ монастыря Кирилского до Белгородки лежачого»⁸⁹.

Как следует из этого документа, курганные группы располагались на возвышенностях над монастырём, в непосредственной близости от одного из отрогов

86 *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей.* К., 1874. С. 59–60.

87 Там же. С. 127.

88 Там же. С. 105–106.

89 Там же. С. 127.

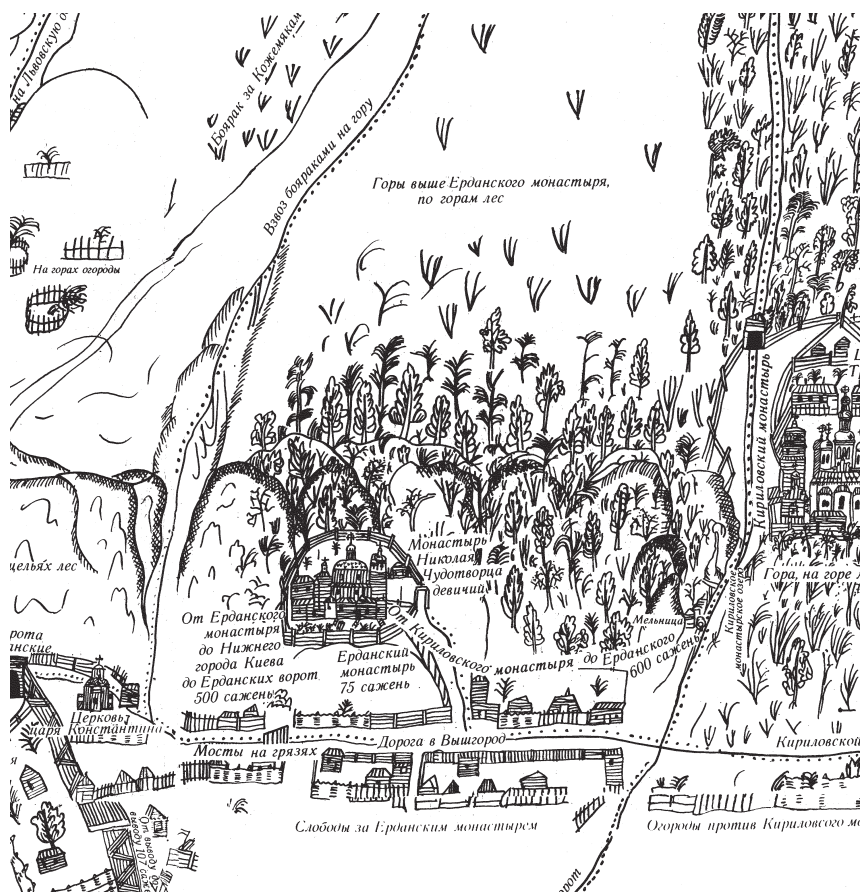


Рис. 10. Иорданский монастырь. Фрагмент плана Ушакова 1695 г.

Щековицы — Лысой горы, а сам «Юрков поток» выступает границей между этими двумя горами.

«Иорданская церковь». Церковь Николы Иорданского впервые упоминается в документе 1614 г.⁹⁰ В 1616 г. при церкви был учреждён девичий монастырь, «названный так по чудесному случаю найденного въ тутъ находящемся колодце серебряного котла, который потерян былъ въ реке Иордане въ Палестине»⁹¹. Монастырь просуществовал до 1786 г., но тем не менее память о нём хранилась долго в названии местности (рис. 10). В 1832 г. в усадьбе купца Марра, располагавшейся на бывшей территории монастыря, К. Лохвицкий выявил

90 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. К., 1897. С. 37–38; Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 2. М., Л., 1961. С. 408.
91 Берлинский М. *Краткое описание Киева*. СПб., 1820. С. 111–112.

остатки древнерусской церкви⁹². Небольшие раскопки М. К. Каргера подтвердили этот вывод и позволили датировать церковь второй половиной XI в.⁹³

Городище на Лысой горе с остатками древнего вала впервые упоминает Н. И. Петров, в связи с вопросом о локализации древней церкви Николая Иорданского⁹⁴. Городище оставалось неисследованным вплоть до 1960-х гг., когда оно было практически разрушено карьером. Небольшие спасательные раскопки позволили датировать сооружение городища временем зарубинецкой культуры. Имеющиеся материалы⁹⁵ не позволяют отнести его существование к древнерусскому времени, как это предполагали исследователи⁹⁶, к тому же большое количество курганов, разбросанных в окрестностях, явно не могло принадлежать одному и тому же поселению.

Иорданский клад. Клад был обнаружен 27 октября 1863 г. на кладбище Иорданской церкви при рытье могилы, на глубине двух аршин в глиняном горшке. Относительно количества вещей существуют разночтения. Г. Ф. Корзухина называет следующие вещи этого клада:

- 1) дирхемы 892–893 — 935–936 гг. — 192 (8 с дырочками для подвешивания);
- 2) перстни серебряные пластинчатые с завязанными концами — 2;
- 3) привеска серебряная круглая выпуклая с зернеными треугольниками и полушариками;
- 4) кусок серебряной проволоки⁹⁷.

Данные Корзухиной о вещевом составе клада основаны преимущественно на заметке Н. Ф. Беляшевского, опубликованной в 1888 г.⁹⁸ В. Б. Антонович, однако, упоминает, что в состав клада входили также два серебряных слитка⁹⁹. Общий вес клада составлял 1 фунт 37 унц.(?) 78 долей. Как уже упоминалось, клад был спрятан в горшке «от которого сохранился такой незначительный кусок, что нельзя судить о форме сосуда». В числе монет находилось 12 подражаний саманидским дирхемам и 1 тахаридская монета 273 г. хиджры¹⁰⁰.

Курганы. Археологическое исследование курганов в районе Иорданской церкви началось с 1872 г., когда на территории пивоваренного завода была случайно обнаружена «общая похоронная яма, в которую свалено за раз

92 Оглобин Н. Из бумаг К. А. Лохвицкого. *Киевская старина*. Т. XXVI, 1889, июль. С. 245–247;

Петров Н. И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. С. 37.

93 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 2. С. 408.

94 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. С. 37.

95 Максимов С. В., Орлов Р. С. Могильник X ст. на горі Юрковиця у Києві. *Археологія*. 1978. 32. С. 63–79.

96 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 2; Толочко П. П. *Історична топографія стародавнього Києва*.

97 Корзухина Г. Ф. *Русские клады*. С. 84.

98 Беляшевский Н. Ф. Клады великокняжеской эпохи в Киеве. *Киевская старина*. Т. XXII. 1888. С. 137.

99 Антонович В. Б. Монетные клады города Киева. НБУ ИР. Ф. I, 7818, спр. № 6, лл. 13.

100 Записки Киевского университета 1866 г. Археологический вестник., стр. 138 (В. Тизенгаузен); НБУ ИР. Ф. I, 7785, стр. 1.

множество костей, остовы были мужские, женские и детские, черепов общих из ямы вынута более 4 тыс.». Среди находок в яме упомянуты

«2 больших меча обоюдоострых с тяжёлыми рукоятями, железный кинжал, до 30 бронзовых пластинок с серебряной насечкой, украшавших ремень (через плечо), на котором висел меч. Железный ножик в деревянных ножнах с костяной ручкой, 2 мраморных крестика прямоугольных, один янтарный крестик, очень маленький, железное кольцо, стеклянное кольцо. Несколько обломков стеклянных браслетов с эмалью. Разбитый большой сосуд глиняный (до 2-х футов в диаметре) в виде миски, украшенный выпуклыми концентрическими линиями»¹⁰¹.

Судя по достаточно общему описанию находок, погребения, обнаруженные в яме, относятся к различному времени — от X до XII вв., и яма, возможно, представляет собой следы перезахоронения погребений, разрушенных при постройке или перестройке самой Иорданской церкви, а возможно и каких-то иных позднесредневековых сооружений в её окрестностях. На это, в частности, указывают обстоятельства выявленного в том же году у Иорданской церкви погребения (погребение № 1 по нашей нумерации), вместе с которым найдены:

«фундаменты погребя, медная посуда XVII в., серебряная дощечка с изображениями, монета Георгия Вильгельма Бранденбургского, всадник, кольчуга, шишак, обоюдоострый меч, пряжка с иглой древнегерманского происхождения, точильный камень в оправе, серёжки из золотой и серебряной проволоки с бусинами, медальон из восточной монеты — половины VIII или конца IX в.»¹⁰².

Данное погребение, судя по всему, следует отождествить с погребением 116, погребальный инвентарь которого в сводке М. К. Каргера приводится не полностью (названы только меч, украшенный серебрянной насечкой и скандинавская кольцевая фибула с длинной иглой)¹⁰³. Вероятно, именно из этого погребения происходит меч типа Е, несущий на себе следы серебрянной инкрустации¹⁰⁴.

В 1876 г. ещё одно грунтовое погребение было обнаружено в усадьбе Марра. Описание инвентаря этого погребения в публикациях В. Б. Антоновича (большой меч, верхняя часть железного шлема, два стремени, восемь нако-

101 Там же.

102 Антонович В. Б. Відомості про археологічні знахідки. НБУ ІР. Ф. І 7784, лл. 2–2 об.

103 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 189–190.

104 Кирпичников А. Н. *Древнерусское оружие*. Ч. 1. М., Л., 1966. С. 78–79; Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 190–191.

нечников стрел, бронзовая с серебряной насечкой пряжка, копьё и топор)¹⁰⁵ несколько отличается от приведенного в заметке, сохранившейся в архиве В. Б. Антоновича: «...у Иорданской церкви при постройке дома в 1876 г. кладбище: скелет всадника в железном вооружении, бронзовое украшение с серебряной насечкой, халифская монета VIII в., сосуды с жжёнными человеческими костями и зерновым хлебом»¹⁰⁶. Под тем же годом в заметках Антоновича даётся более подробное описание находок:

«при постройке кирпичного завода (фундамент) заполнение: кирка, замок, цепи, ножик, металлическая посеребрённая дощечка с изображением креста, языческие могилы, скелеты, фибулы для застёгивания корзны на плече, серебряные и золотые серьги, бусы из зеленоватого стекла, аббасидский дирхем с ушком халифа Абу-Джафара-аль-Мансура (754–775), брусок от точильного камня в виде четырёхгранника, серебряные бляшки в виде крестов с орнаментами, белый глиняный сосуд, украшенный криволинейным орнаментом, жжённые человеческие кости, лошадиные кости, обоюдоострый меч с головнёй, железная часть шишака, стремяна, наконечники стрел, поясная бронзовая пряжка с серебряной насечкой, железный наконечник копья, топор»¹⁰⁷.

Судя по повторяющимся деталям мужского инвентаря в этом и в приведенном выше описаниях, данное погребение (погребение 2 по нашей нумерации), следует считать парным. Во всяком случае, оснований для разделения этого погребения на два различных нет (погребения 117 и 125¹⁰⁸).

Ещё одно погребение (погребение 117) было раскопано на мысу, отделённом от мыса, на котором расположено кладбище Иорданского монастыря (погребение 3). Под курганом исследована большая яма, содержащая 3 разрушенных костяка и богатый погребальный инвентарь, принадлежащий всаднику. В непосредственной близости от этого кургана было раскопано ещё три телоположения в гробах. В одном погребении (погребение 4) найдено серебряное кольцо с чернью. Во втором — такое же кольцо, стекло и бусины (погребение 5). В третьем — небольшой сосуд «с волнитообразным орнаментом» (погребение 6)¹⁰⁹.

Целый ряд погребений, содержащих остатки трупосожжений, был найден В. В. Хвойко в 1890-х гг. в усадьбе по улице Кирилловской, 59–61.

105 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 190–191; Антонович В. Б. О древнем кладбище у Иорданской церкви. *Труды IV Археологического съезда в Казани*. Т. 1, отд. 1. Казань, 1884. С. 42–44; Антонович В. Б. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течении 1876 г. *ЧИОНЛ*, кн. 1. К., 1879. С. 252–253.

106 Антонович В. Б. *Відомості про археологічні знахідки*. Лл. 2–2 об.

107 Там же. Лл. 6–6 об.

108 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 210–211.

109 Скрыленко А., Беляшевский Н. Раскопки на Верхней Юрковице. *Археологическая летопись Южной России*. 1899, т. 1. К., 1899. С. 75–79; *Археологическая летопись Южной России*. 1903. С. 357–361, табл. 18–19; Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 191–195.

Погребения были выявлены перед постройкой здания лечебницы, под слоем намывной земли толщиной 0,5–1,2 м. В одном из них (погребение 7) в кострище найден полуобожжённый человеческий костяк, возле черепа которого лежало копьё. Во втором (погребение 8), в кострище кроме пережжённых костей найдены два раздавленных сосуда, полурасплавленный серебряный ажурный предмет, согнутый железный ножик, а также оселок. Остатки третьего погребения (погребение 9) были помещены вместе с золой в глиняную урну. Ещё два погребения в урнах (погребения 10–11) были исследованы на территории той же усадьбы, на плато находящейся там же возвышенности. Аналогичное погребение в урне, сверху которой был положен нож, сера и какая-то бронзовая ажурная застёжка, было выявлено в усадьбе Светославского¹¹⁰. Вещи, происходящие из погребений, раскопанных В. В. Хвойко по улице Кирилловской, 59–61, не сохранились, однако, судя по довоенным инвентарным книгам, в Киевском историческом музее хранились «глиняная буса-застёжка» (?) (№ 807), каменные бруски (№ 1131–1133), стеклянные и янтарные бусы (№ 1248–1249), сердоликовые бусы (№ 1389–1390), серебряные кольца и пластинки (№ 1423–1424), три глиняных сосуда-урны (В–9331, 9397, 9495), происходящие из этих погребений. Возможно, из этих же погребений происходит гончарный сосуд «курганного типа», ныне хранящийся в фондах Национального исторического музея Украины (В–4552/146). Из погребения в усадьбе Светославского, в инвентарных книгах упомянут только сосуд (В–9332).

Несмотря на то, что только 11 погребений более или менее документировано, нет никаких сомнений в том, что могильник в районе Кирилловских высот состоял из нескольких групп. Остатки одной из курганных групп, насчитывавшей несколько сот погребений, располагались на территории бывшей усадьбы братьев Зарембских, в её верхней части, примыкающей к Лукьяновке. В исследованных и недокументированных В. В. Хвойко подкурганных погребениях найдены серебряные серьги, бусы, украшения с филигранью и сканью, серебряные браслеты, а также стеклянные сосуды (вещи сохранились частично в фондах Национального исторического музея Украины: В–3200–3285). Судя по находкам трёхбусинных серебряных серег, а также браслетов, которые могут быть отнесены к XII–XIII вв., эта группа погребений является одной из самых поздних. Одно трупоположение в яме было выявлено здесь в 1939 г. П. П. Куринным. Однако из-за отсутствия документации его датировка, к сожалению, невозможна (среди многочисленных стеклянных негативов, хранящихся в музее, удалось отыскать только общий план погребения).

Ещё одна курганная группа располагалась над Иорданской церковью, на Лысой горе, где в 1960-х гг. было исследовано 16 погребений¹¹¹, а также остатки синхронного жилища.

110 Хвойка В. В. *Древние обитатели Среднего Поднепровья*. С. 53–54.

111 Максимов С. В., Орлов Р. С. Могильник X ст. на гори Юрковица у Києві. С. 63–79.

Таким образом, отрывочная информация, разбросанная в различных периодических изданиях Киева второй половины XIX — начала XX вв., а также нередко противоречивые данные археологов-любителей того времени, позволяют сделать вывод о существовании довольно крупного могильника, состоявшего, вероятно, из нескольких групп, вытянутых вдоль Кирилловских высот. Расстояние между могильником у Кирилловских высот и курганными группами, некогда покрывавшими Старокиевскую гору, измеряется несколькими километрами. Они разделяются Юрковицким ручьем и долиной речки Глубочица. Такое топографическое расположение, а также количество насыпанных насыпей вызывает естественный вопрос о том, где же жило оставившие эти могилы население? В своё время М. К. Каргер оставил его открытым, отметив возможную связь этого могильника как с городищем на Лысой горе, так и с неизвестным поселением в районе Дорогожичей¹¹². В. А. Булкин и Г. С. Лебедев рассматривали могильник и городище на Лысой горе в единой связи. Последнее они интерпретировали как «Самбатас», упомянутый Константином Багрянородным, причём его возникновение исследователи связали с захватом Киева Олегом¹¹³. П. П. Толочко высказал предположение, что языческий могильник был оставлен жителями северного района Киева¹¹⁴. Как уже упоминалось выше, археологические исследования, проведённые на Юрковице (Лысая гора) в 1960-х гг., выявили на территории городища погребения X в. Даже с учётом исследованной там же синхронной постройки, вряд ли можно считать это городище основным местом поселения людей, оставивших курганы. Скорее всего, жилые усадьбы располагались внизу в пойме и труднодоступны для исследований из-за большой глубины, как и ранние постройки Подола. Сейчас трудно сказать, что собой представляло поселение, расположенное в пойме. Была ли это цельная поселенческая структура с усадьбами и улицами, составная часть той, которую можно видеть после раскопок на территории Житнего рынка и Контрактовой площади? Или же цепочка вытянувшихся в пойме вдоль Кирилловских высот усадеб-дворов, жители которых и оставили различные курганные группы? Любое из этих решений будет из разряда гипотез, однако, учитывая такое отдалённое месторасположение могильника, вероятно, более корректно было бы отдать предпочтение последней. Высокая концентрация населения в X в. в этом районе, расположение вдоль древнего пути на Вышгород, удобный доступ к реке — всё это свидетельствует об исключительном стратегическом значении района в домонгольский период. На плане Киева 1706 г. видно, что ещё в то время Подол отделялся от Оболони ручьём, сбегавшим с Кожемяк, от Крестовоздвиженской церкви по направлению к Щековице, через площадь Житнего базара и потом возле Юрковицкого моста по

112 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 135.

113 Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. *Археологические памятники Древней Руси*. Л., 1978. С. 14.

114 Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 50.

Оболонью¹¹⁵. Это, очевидно, свидетельствует об удобной коммуникационной связи с Днепром (особенно во время весенних разливов реки) и важном стратегическом значении места, расположенного в окрестностях Лысой горы, что, естественно, не могло не отразиться в существовании специального названия этой местности в киевской топонимике.

В киевоведческой литературе данный район традиционно относят к Подолу. Однако, недавняя статья А. П. Толочко, посвящённая локализации Аскольдовой могилы, позволяет пересмотреть эту традиционную точку зрения. Не вдаваясь в любопытные подробности, остановимся на основных выводах автора.

1) Современная топография Аскольдовой могилы на месте Пустынно-Николаевского монастыря является плодом легенды, сконструированной в XVII веке монахами Киево-Печерского монастыря.

2) Угорское (место локализации Аскольдовой могилы по летописи) упоминается в летописи в контексте движения с севера на юг.

По мнению автора, месторасположение Угорского следует искать где-то в северо-восточной части Киева, или его северо-восточной окраине¹¹⁶. Напомним ещё раз легендарный рассказ летописи об убийстве Олегом Аскольда и Дира:

«И приплу подь Угорское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови глаголя, яко «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к намъ к родомъ своимъ». Асколд же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору и погребоша и на горь, еже ся ныне зоветь Оугорское, кде ныне Ольминъ дворь. На тои могилѣ поставилъ церковь святого Николу. А Дирова могила за святою Ориною»¹¹⁷.

Как представляется, топография могильника у Кирилловских высот и весь археологический ансамбль памятника (курганы, городище, церковь) идеально подходят для этого. С учётом нынешней традиционной локализации Угорского и Аскольдовой могилы в районе Печерска, трудно представить логику летописца, заставившего ладьи с воинами Олега проплыть (незаметно!) мимо Киева¹¹⁸. Локализация Угорского в районе Лысой горы, Иорданской церкви и Кирилловских высот наиболее логично соответствует тому событийному контексту, который донёс до нас летописец. Это наиболее подходящее место для остановки

115 Лебединцев П. Г. О планах Киева 18 ст. *ЧИОНЛ*, кн. 1. К., 1873–1877. С. 268–269.

116 Толочко О. П. Замітки з історичної топографії Києва. IV–V. *Київська старовина*. 2000, 5. С. 144–163.

117 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 20.

118 В этой связи П. П. Толочко совершенно справедливо ставит вопрос: как могло случиться, что в Киеве осталось незамеченным продвижение по Днепру большой флотилии Олега? (Толочко П. П. *Київська Русь*. К., 1996. С. 47).

Олега, приплывшего в Киев с севера по Днепру. Вопрос о характере поселения в Угорском в X в., видимо, так и останется открытым до новых археологических открытий. В XI в. на этой территории существовали, очевидно, отдельные дворы. Важную информацию о топографии этого района в XII в. содержит статья 1161 г. Ипатьевской летописи с описанием неудачной обороны князем Ростиславом Мстиславичем Подола:

«Нача Изяславъ полкы рядити съ братьею и доспѣве, иде къ Подолью, а Ростиславъ стояше съ Андрѣевичем подлѣ столпье, загорожено бо бяше тогда столпиемъ от горы оли и до Днепра [...] И нача одолати Изяславъ, оуже бо Половци въѣздяху в городъ, просѣкаюче столпие, и зажгоша дворъ Лихачевъ поповъ и Радьславль. И побѣгоша Берендичѣ къ Оугорьскому, а друзии к Золотым воротомъ»¹¹⁹.

Упомянутое в статье деревянные укрепления — столпие — исследователи локализируют в районе трассы Юрковицкого ручья, где в ходе исследований были обнаружены вертикально вбитые столбы¹²⁰. В систему «столпия», вероятно, входили упомянутые единственный раз в летописи под 1151 г. Угорские ворота, точное месторасположение которых неизвестно. Вполне возможно, что наряду с упомянутыми дворами, в районе Иорданской церкви располагалась усадьба Ольмы, который построил на легендарном месте убийства Аскольда каменную церковь, посвящённую св. Николаю. Возможно остатки именно этой церкви были найдены археологами Подольской экспедиции в 2003 г.¹²¹

В связи с предложенной локализацией Угорского в районе Иорданской церкви, интересно содержимое так называемого «кургана могикиана», исследованного Н. Ф. Беляшевским в 1899 году¹²². В кургане были найдены шпоры — уникальная для древнерусских погребений находка — а также роговая накладка на колчан лука. По мнению В. Н. Зоценко, последняя несёт следы орнаментации в скандинавском стиле, подобно аналогичной вещи из Шестовицкого могильника. В январе 2003 г. в фондах исторического музея удалось отыскать почти все вещи этого погребения (за исключением сосуда). Роговая подтреугольная пластина, о которой пишет В. Н. Зоценко, состоит из двух больших и двух маленьких фрагментов. Общие размеры вещи 20x7,5 см. По краям сохранились ассиметрично расположенные круглые отверстия для крепления пластины. Верхняя часть пластины фрагментирована и зооморфная голова в скандинавском зверином стиле, вопреки мнению исследователя, здесь никак не просматривается. Резной орнамент достаточно простой — в виде прямых и

119 ПСРЛ. Т. 2. Слб. 515; Толочко О. П. За́мітки з історичної топографії Києва. IV–V. С. 150–151.

120 Сагайдак М. А. *Давньокі́ївський Поділ*. К., 1991. С. 28–29.

121 Сооружение найдено спустя два года после того, как была написана черновая версия этой статьи.

122 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. 1. С. 191–195.

закругленных линий. Ничего скандинавского нет также в другой вещи — бронзовой зооморфной рукояти кресала, орнаментальный сюжет которой Г. Ф. Корзухина ошибочно считала скандинавским¹²³. Ни стиль изображения птиц, ни сами вещи совершенно не характерны для искусства эпохи викингов. Упомянутые В. Н. Зоценко подвески из Бирки с аналогичным сюжетом считаются предметами восточных влияний¹²⁴.

Таким образом, в данном погребении не содержится ничего северного. Наиболее близкие и более корректные аналогии упомянутой накладке на лук можно видеть только в древностях венгров времени обретения родины¹²⁵. Венгерские аналогии, как представляется, придают несколько большей уверенности предложенной нами локализации Угорского.

Вообще, нужно отметить тесную связь между скандинавскими, венгерскими и византийскими древностями Южной Руси и, в частности, Киева. Их сочетание в одних и тех же погребениях ставит вопрос о времени и возможных обстоятельствах этих контактов. Как представляется, такие контакты могли быть осуществлены только в Византии — регионе, где совпадали интересы как венгров, так и скандинавов. Византийские письменные источники предлагают нам несколько возможностей. В период между 934–943 гг. венгры активно воевали против Византии. Однако в 945 г. между ними был подписан пятилетний мирный договор. В 959 г. венгры снова предприняли попытку похода на Константинополь, но потерпели крупное поражение. Мы знаем также, что венгры служили в гвардии Никифора Фоки (963–969 гг.), а также участвовали в войне против Святослава¹²⁶. Основателем варяжской гвардии в Византии считается Василий II¹²⁷. Эта гвардия представляла, в основном, силы кавалерии, в отличие от наёмников русов, использовавшихся ранее в морских экспедициях. То, что русы Святослава ещё в 960-е гг. были плохими наездниками, свидетельствует Лев Диакон. Поэтому своим умением сражаться на коне скандинавы, вероятно, обязаны именно венграм, с которыми они служили византийскому императору. Большинство скандинавских погребений Киева и Чернигова с венгерскими вещами содержат конские погребения, а также стремена, удила, уздечки и, по монетам и другому археологическому контексту, не могут быть датированы ранее второй половины X в.¹²⁸ (знакомством с всаднической военной культурой русы, надо думать, обязаны также и контактам с хазарами, как это можно заключить из шестовицкого погребения 83, где вместе с оружием,

123 Корзухина Г. Ф. Об Одине и кресалах Прикамья. *Средневековая Русь*. М., 1976. С. 135–140.

124 Jansson I. "Schmuckanhänger von orientalischen Typ," *Birka II:3. Systematische Analysen der Gräbergunde*, ed. by G. Arwidsson (Stockholm, 1986), s. 43–45.

125 *The Ancient Hungarians*, ed. by I. Fodor (Budapest, 1996), p. 124, fig. 11

126 Moravcsik G. *Byzantium and the Magyars* (Budapest, 1970), p. 55ff.

127 Treadgold W. *Byzantium and its Army 284–1081* (Stanford University Press, 1995), p. 115–116.

128 К этому же времени следует отнести и ряд курганов Гнёздовского могильника, содержащих венгерские вещи: *Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ)*. Ч. 1. М., 1999, рис. 16.11, 1.17; 171.25, 128, 142; 22Ш.20; 23Ш.27; 27Ш.103, 11104; 28Ш.114, Ш.122; 30I–III.11; 32I–III.1898

византийскими монетами (886–912 гг.) найдено два разнотипных стремена¹²⁹, одно из которых характерно для древностей салтово-маяцкой культуры¹³⁰. Факт непарности стремян свидетельствует о недостаточных навыках и, скорее всего символичности этих вещей в погребении, нежели практическом применении).

В целом, скандинавские древности Киева представляют собой две различные по своему происхождению группы. Первая и самая ранняя из них (около 930–950 гг.) связана с территорией Средней Швеции и представлена женскими украшениями типа скорлупообразных фибул (типы 51В-С, 52 по Яну Петерсену¹³¹), мечами типа Y и N¹³²). Эти находки происходят из разрушенных погребений Старокиевской горы, два из которых локализируются в районе начала Андреевского спуска, где, вероятно, располагалась группа самых ранних захоронений этого времени. Такие же фибулы найдены и в районе Кирилловской улицы, где известна также одна мужская кольцевая застёжка с длинной иглой, орнаментированная в стиле Борре, и некоторые типы мечей (типы E и N по Яну Петерсену), неизвестные в Верхнем городе. Вторая группа древностей (около 950–1000 гг.) происходит из Южной Скандинавии и представлена женскими украшениями, орнаментированными в стиле Эллинг, Хиденсе, одним мечём типа V, найденными в погребениях только Верхнего города — под фундаментами Десятинной церкви, церкви Михайловского монастыря и в окрестностях Софийского собора. Находки последней группы, как правило, очень высокого качества, изготовлены из серебра и иногда украшены зернью. Несомненно, они связаны с представителями той среды, которая стала составной частью киевской элиты последующих веков. В этом представляется несомненный континуитет этих погребений с местами находок кладов XII–XIII вв. в Верхнем городе, которые, как это уже было отмечено ранее П. П. Толочко¹³³, маркируют расположение боярских и других знатных дворов в этой части города. Упомянутый в летописи двор боярина Чудина также, надо полагать, располагался в Верхнем городе в непосредственной близости от находившихся здесь курганов, содержащих южнскандинавские древности. На это, вероятно, указывает скандинавское имя его брата — Туки, распространённое главным образом в Дании¹³⁴.

Что касается вопроса о месте скандинавов в урбанизационных процессах становления города, то здесь неясной остаётся проблема, когда «Гора» и Подол стали осознаваться как составные элементы одного целого? Согласно дендро-хронологическим данным и археологическим находкам, жилые комплексы Подола возникли на рубеже IX–X вв. В это время никаких административных

129 Бліфельд Д. І. *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*. К., 1977.

130 Андрощук Ф. О. *Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя)*.

131 Petersen J. *Vikingetidens smykker* (Stavanger, 1928).

132 Petersen J. “De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben,” *Videnskapsselskapets skrifter, II. Hist.-filos. Klasse*. 1919: 1 (Kristiania, 1919).

133 Толочко П. П. *Топографія скарбів монетних гривен у Києві. Археологія XX*. 1966. С. 123–134.

134 Peterson L. “Nordiskt runnamnslexikon.” 2002: <http://www.dal.lu.se/runlex/index.htm>

центров на Горе не существовало. В начале X в., вероятно, существовали какие-то усадьбы скандинавов в районе Кирилловских высот, однако в это время они представляли собой отдельные посёлки в окрестностях Подола. Нужно сказать, что по количеству ярких находок этого времени Киев несколько уступает Шестовице, где найдены две византийские печати — уникальные свидетельства активных административных и торговых контактов с Византией¹³⁵. Только около середины и во второй половине X в. на Подоле возникают ремесленные мастерские, что связано, вероятно, с активным функционированием Пути из Варяг в Греки. Одновременно с этим процессом совершаются погребения, а также, возможно, строятся усадьбы киевской знати и выходцев из Скандинавии. Многие из них обрели высокое социальное положение на службе в Византии, а также у киевских князей. Вероятно, именно с этого времени «Гора» и Подол становятся элементами одного цельного организма, причём первая принимает явно доминирующую и контролирующую функцию по отношению ко второму. Официальное признание Византией ведущей роли Киева, согласно договору Руси с Греками, произошло только в 945 г. и было регламентировано особой статьёй документа, предполагающей наличие у купцов особой грамоты, выданной «великим князем русским»¹³⁶.

С принятием христианства, многие представители киевской знати (в том числе и скандинавской) сооружают на месте родовых приусадебных курганов часовни, а также каменные церкви. Первоначально языческие, кладбища становятся церковными погостами, их забытые или брошенные участки планируются и застраиваются рядовой застройкой.

Department of Archeology Stockholm University

135 Shepard J. "A Cone-seal from Shestovitsy," *Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines*. LVI (Bruxelles, 1986), p. 253–274; Булгакова В. Византийский моливдовул из Шестовицы. В: Андрощук Ф. О. *Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя)*. С. 109–117.

136 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 24.